
Рустам МАВЛИХАНОВ

СТРАСТИ ПО ЕВРОПЕ

Триптих

Европа рождалась в мучительных поисках ответов на вопросы: «Как спастись? Если четыре всадника, что воочию несутся по нашим городам и полям, — воздаяние нам, то где найти слова, что отвратят их от дома нашего?» — и ответы стоили не меньшей крови. Религиозные войны (не за веру — за выживание) и Первая Тридцатилетняя показали, какую цену приходится платить за монопольное право на истину. Так начался наш путь к отказу от какой-либо истины вообще — через, казалось бы, разумные идеи Просвещения и революционные войны, через их отрицание, через веру в прогресс и через его итог — суицид 1914 года.

Теперь, когда Европа, введя в оторопь своей беспокойностью весь мир, замыкается в себе, сбрасывая, как Рим когда-то и как Китай — неоднократно, балласт из окраин своей ойкумены, пришла пора оглянуться, всмотреться в глаза нашим предкам — насколько это возможно — и попытаться увидеть в них себя. Нет, не для того, чтобы призвать вернуться к истине — автор верует, что она относительна, — а для того, чтобы услышать веселую жестокость Клио и смириться по примеру Боэция с неизбежным.

«В его прямом человеческом времени эти слова были лишними и бессмысленными — но он знал, что в змеином времени они уже прозвучали и послужили началом беседы. А потому он проговаривал их до конца, чтобы не разрушать связь встречнотекущих времен» (*Сомалийская сказка*).

СОБИРАЯ ПЛОДЫ

Homo fugit velut umbra.

Человек исчезает, как тень¹.

Слова на входе в университетскую часовню Христа Доктрин в Алькала-де-Энарес

В 2022 году культурная общественность нашего региона начнет подготовку к 100-летию памяти нашего выдающегося земляка, занимающего видное место не только на литературной карте Нижегородской области, но и в плеяде замечательных звезд Среднего

Рустам Мавлиханов родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Публиковался в журналах и альманахах «Нева», «Крещатик», «Журнал ПОэтов», «Невский проспект», «Слово/Word», «День и ночь», «Традиции & авангард», «Нижний Новгород», «Северо-Муйские огни», «Дальний Восток», «Изыщная словесность», «Бельские просторы», «Балтика», «Метаморфозы», «Исток», «Идель», «Сура», «Unzensiert», «Воскресенье», «Полночь в Петербурге», «ЛиФФт». Живет в Салавате.

¹ Лат. *Homo fugit velut umbra* или итал. *Passacaglia della vita* («Пассакалья о жизни») — известное вокальное произведение XVII века, авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

Поволжья, — Василия Евграфовича Чехихина-Ветринского, историка русской и европейской литературы и общественной мысли, переводчика, публициста, краеведа, народолюбца и журналиста. И хотя родился Василий Евграфович в Риге Лифляндской губернии, большая часть его сознательной жизни связана с нашими краями — Удмуртией, в то время входившей в состав Вятской губернии, и Нижним Новгородом. Но главная загадка, которую он оставил своим потомкам, порождена далекой Испанией...

Детство Василия Евграфовича прошло в интеллигентной семье. Его дед, Иродион Яковлевич, был профессором Санкт-Петербургской духовной академии, лингвистом (его перу принадлежит перевод первой песни «Энеиды» Вергилия) и поэтом; отец — краеведом, публицистом, издателем «Русского вестника», старейшего русскоязычного журнала в Прибалтике; брат — писателем, переводчиком (Гёте и Мюссе), музыкальным критиком (среди прочего он опубликовал фундаментальную «Историю русской оперы») и просветителем (чего стоит опередившая свое время на столетие статья «О приспособлении китайской грамоты к роли всемирного письменного языка», изданная в 1916 году). Неудивительно, что и Василий Евграфович продолжил стезю своей семьи. Наиболее известен он, кроме множества работ о русских литераторах XIX века, переводом комедии нравов англо-ирландского поэта Ричарда Шеридана «Школа злословия» (это название позаимствовали одни наши современники для своего эпатажного ток-шоу). Намного менее известно о его интересе, переросшем в своего рода одержимость, к испанской поэзии позднего средневековья.

Василий Евграфович окончил Рижскую Александровскую гимназию (с серебряной медалью) и физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета (примечательный факт: математический склад заставит его взяться за решение почти неразрешимой загадки; гуманитарная часть образования — найти ключи к ней). Как большинство образованных людей его эпохи, увлекся революционными идеями и за участие в народнических кружках был выслан сначала в Ригу, после — в Глазов Вятской губернии (ныне — город в Удмуртии), где у него завязалась активная переписка с одной стороны с Максимом Горьким, с другой — с тем, кого Василий Евграфович в своих дневниках именуется «отец С.» и кто познакомил его с псевдодионисийской традицией² общехристианской теологии (еще один факт, чье влияние скажется позже).

По окончании ссылки, после недолгого (1901–1903) пребывания в Самаре, он осел в Нижнем Новгороде, где стал секретарем и фактическим редактором «Нижегородской земской газеты». Как земец, вступил в 1905-м в Партию народной свободы, многим известную под названием кадетской; написал большую часть своих трудов (среди которых «Герцен», «Отечественная война 1812 года в родной поэзии», «Чернышевский») и в том числе монографию о выдающемся историке-медиевисте, заложившем основы научного понимания средних веков в России, Тимофее Николаевиче Грановском. Работая над последней, Василий Евграфович, как человек энциклопедического кругозора, не мог не ознакомиться глубже со сферой научных интересов Грановского, среди которых были и история расцвета и упадка Испании при Габсбургах — «империи, над которой не заходит солнце», и итальянские войны — первый конфликт общеевропейского характера, охвативший все страны от Шотландии до Турции. В своих поисках он встретил имя кондотьера, конкистадора и поэта, коими изобилвала та эпоха и которое было забыто в потрясениях бурного, под стать двадцатому, XVI века. Василий Евграфович отметил, что «первоначально не обратил на него внимания и предал

² Псевдодионисийская традиция: Псевдо-Дионисий Ареопагит — неизвестный богослов V–VI веков, чьи труды о естестве Бога и его эманации оказали сильнейшее влияние на христианство (и православие, и католичество), особенно на исихастов на Востоке и таких мистиков Запада, как пантеистичные Иоганн Скотт Эриугена (IX век) и Николай Кузанский, Пико делла Мирандола и др.

бы его забвению вторично», если бы оно не всплыло в переписке с тем обществом, что сложилось вокруг Горького на Капри.

Здесь, в «литераторском центре богостроительства» (особого этико-философского течения в русском марксизме, развивавшемся Анатолием Васильевичем Луначарским и Владимиром Александровичем Базаровым), бывали Феликс Дзержинский, «цусимец» Новиков-Прибой, жили поэт и журналист Леонид Старк (Афгани; тот самый, кто в октябрьские дни 1917 года займет телеграф и почтамт) и его жена, впоследствии — библиотекарь Ленина Шушаник Манучарьянц. К ней и обратился другой гость виллы «Спинола» — Михаил Коцюбинский, революционер и классик украинской литературы, вновь создавший ее из того, что Винниченко называл «невольницьким кладовищем». Широкой публике он известен по поставленным по его произведениям фильмам «Подарок на именины» и «Тени забытых предков» Сергея Параджанова («лучшая картина в мире, снятая до сих пор», как сказал Эмир Кустурица). Что занимательно — и, скорее всего, является случайным совпадением с судьбами тех, о ком идет речь в этом эссе, — в финале картины Иван, главный герой, видит призрачные отражения Марички, своей погибшей возлюбленной, в воде и в лесу.

Коцюбинский много путешествовал. Он объездил едва ли не всю Европу — не только по зову души, но и из потребности в лечении: он медленно умирал от чахотки. И если Антон Павлович искал облегчения в ковыльных степях Башкирии, то Михайло Михайлович подался в просторы иберийской Месеты — обширного, засушливого, малолюдного плоскогорья, покрытого замками (давшими имя стране — Кастилия) и полуразрушенными римскими виллами. В странствиях он познакомился с Мигелем де Унамуно, в ту пору — ректором университета Саламанки.

Последний, будучи баском по национальности, в одну из поездок на родину, в Бильбао, посетил долину Бастан на самом севере Наварры, у подножия Пиренеев, где в местечке Арискун родился Педро де Урсуа, «губернатор» Эльдорадо. Его личность привлекла внимание философа и как жертва «испанского Иуды» — «гнева божьего» Лопе де Агирре (замечательно воссозданного Клаусом Кински в фильме Вернера Херцога), и как один из плеяды великих басков, лежавших в фундаменте славы Испании: Хуана Себастьяна Элькано, завершившего экспедицию Магеллана, Андреса де Урданеты, открывшего самый безопасный путь через Тихий океан к берегам Филиппин, Хуана де Гарая, основателя «города Пресвятой Троицы и порта Святой Марии Добрых Ветров» (Буэнос-Айреса), Игнатия Лойолы, основоположника «Общества Иисуса».

«Если баски, этот малый и загадочный народ, помогли кастильцам построить империю, то не нужно ли в их национальных чертах искать то, что поможет спасти Родину?» — отметил Мигель в гостевой книге в маленьком отеле на берегу Храбрых, Коста-Брава (сын хозяина отеля сберег автограф, спрятав книгу во времена франкистского террора).

Тут нужно пояснить, что после катастрофы 1898 года Испания впала в глубочайший экономический, политический и — главное — моральный, чуть ли не экзистенциальный кризис, сравнимый разве что с кризисом, поразившим Россию в 1990-х. Как и СССР в «холодной войне», Испания потерпела унижительное поражение в скоротечной войне с США — несмотря на отчаянную храбрость пехоты, неделями сражавшейся в окружении на пляжах Кубы и Филиппин. Это была первая война, развязанная прессой (красочное изображение подрыва крейсера «Мэн» в газете Джозефа Пулитцера «New York World» позже послужило вдохновением для пропагандистских плакатов «Помни Перл-Харбор!» и «Помни 11 сентября»), первая война, запечатленная на киноленту (пройдет всего 93 года, и технологии позволят нам наблюдать бомбардировки в прямом эфире — о значении чего замечательно рассказано в пророческом фильме 1997 года «Хвост виляет собакой», — пока война окончательно, с началом второй «холодной»,

не превратится в самоподдерживающееся ток-шоу) и одна из первых схваток за передел мира в романтическую эпоху империализма, которая скоро закончится неромантической бойней 1914–1945 годов.

Нам в наследство от той войны достались коктейли «Дайкири» (по имени местечка под Сантьяго-де-Куба, где янки высадились на остров) и стихотворение Редьярда Киплинга — поэта, искренне любившего и понимавшего Восток, — «Бремя белого человека». Испании же пришлось искать ответы на вопросы «Что делать?» и «Кто мы, откуда, куда идем?». И находить ответы: в возрождении поэзии, философии (что дает и нам надежду на бронзовый век русской литературы), национализме, авторитаризме, анархо-синдикализме и социализме (что заставляет нас молить Клио: *пусть наши поиски не окончатся первой в истории ядерной гражданской войной*). Эти искания приводили пилигримов мысли на разные стороны баррикад, но чаще заканчивались смертью на чужбине, расстрелом (националистами или республиканцами), примирением или резким конфликтом с новым режимом.

Однако, как и нам, испанцам, которых Пио де Бароха, еще один выдающийся представитель Generación del 98³, изобразил в виде «пассажиров трамвая, входящих и выходящих из него, не знающих, куда и зачем они едут», гражданская война еще казалась невероятной; Мигель де Унамуно еще не мог знать, что всего через пару месяцев после начала мятежа правый генерал Хосе Мильян Астраи заткнет его возгласом «Смерть интеллигенции! Да здравствует смерть!» (как окажется, навсегда: философ умрет под новый год, во сне — итог его жизни показан в испано-аргентинском фильме «Mientras dure la guerra» — «Пока длится война»); пока еще над всей Испанией было безоблачное небо⁴ и Мигель, верховный жрец храма разума⁵, мог посвятить себя изучению эпохи испанской славы и ее терций — такого же символа страны, как коррида и Саграда Фамилия.

Терции родились в плавильном котле Реконксты — 800-летней эпопеей войн за свою веру, окрашенных гордостью за своих пророков и свой народ и уважением к врагу (*странно, но именно на стыке религий рождается взаимоуважение*), воспетой, к примеру, в «Песне о моем Сиде» — одном из немногих эпосов, мало отступающих от исторической правды. Продолжившись естественным образом в конкисте, терции на полтора столетия стяжали славу непобедимых: невероятно стойкие в сражении, потрясающе упорные, с редким для эпохи терпением, «испанские дьяволы» наводили ужас на Амстердам, Париж и Лондон настолько, что это позволяло успешно снабжать войсками и припасами свои владения в Нидерландах сухопутным путем (море блокировалось английскими и голландскими пиратами) через далеко не дружественные земли в Альпах и Восточной Франции. Каждый солдат знал, что его жизнь находится в руках Господа, но его полк — бессмертен: его нельзя покорить, можно лишь истребить (известен эпизод, описанный в «Капитане Алатристе», когда французский офицер спросил

³ Поколение 98 года (исп.).

⁴ ...Над всей Испанией было безоблачное небо — En toda España el cielo está despejado, легендарный пароль к началу мятежа в Испании, переданный по радио утром 18 июля 1936 года.

⁵ «Верховный жрец храма разума» — из речи Мигеля де Унамуно 12 октября 1936 года в Университете Саламанки: «Генерал Мильян-Астраи — калека. Давайте скажем об этом без обиняков. Он инвалид войны. Как Сервантес. К сожалению, сейчас в Испании слишком много калек. И если Бог не внимлет нашим молитвам, скоро их будет еще больше. И мне доставляет боль мысль о том, что генерал Мильян-Астраи будет определять психологию масс. Калека, лишенный духовного величия Сервантеса, он испытывает зловещее облегчение, видя вокруг себя уродства и увечья. Здесь храм разума. И я его верховный жрец. Это вы оскорбляете его священные пределы. Вы можете победить, потому что у вас в достатке грубой силы. Но вы никогда не убедите. Потому что для этого надо уметь убеждать. Для этого понадобится то, чего вам не хватает в борьбе — разума и справедливости. Я все сказал».

умирающего испанского знаменосца: «Сколько вас было здесь?» — на что тот ответил: «Пересчитайте убитых — узнаете»).

Вот в таком соединении довелось строить свою судьбу на службе католическому королю и Хорхе де Урсуа — вышеупомянутому кондотьеру и поэту.

Хорхе приходился дядей (по другим источникам — кузеном) Педро де Урсуа, вероломно убитому своим заместителем Педро де Агирре в амазонской сельве. Значительная часть его жизненного пути связана с итальянскими войнами, к тому же еще в юности, отправившись пилигримом узреть новое чудо христианского мира — строящийся собор Святого Петра, он влюбился в Италию — эту жемчужину Европы, это средоточие искусства и порока, и не в последнюю очередь — в образ оказавшей ему покровительство в путешествии Катарины Сфорца, «львицы Романьи и тигрицы из Форли» (послужившей, кстати, реальным прототипом Моны Лизы), образ тем более прекрасный, что он не застал его носительницу в живых. Возмужав, Хорхе вернулся в Италию — сперва в качестве кондотьера (наемника), в роли которого успел повоевать «за венгерское наследство» с янычарами Сулеймана Великолепного, а после перешел на службу во вновь учрежденную в Ломбардии терцию, с которой прошел поля баталий половины Европы — от войны Коньякской лиги до экспедиций в Тунис. Ему довелось как оборонять Ниццу от турок и Барселону от берберских пиратов, так и самому штурмовать города, крепости и корабли.

В перерывах между перемириями и кампаниями Хорхе с любознательностью *arasiopado*⁶ слушал лекции: юристов в Болонье, «князя гуманистов» Эразма Роттердамского при дворе своего короля (по совместительству — императора Священной Римской империи) Карла I (V), в чьей армии он охранял хирурга Филиппа Теофраста фон Гогенгейма (Парацельса) — и кто знает, не поделился ли с Хорхе этот великий алхимик секретом панацеи, полученным им в османском Константинополе от некоего Соломона Пфайфера (даже если последний и не дожил, как утверждают свидетели, до конца XVIII века, то Хорхе и на шестом десятке лет отличался завидным здоровьем, позволившем ему совершить путешествие через океан).

Тянувшимся уже 55 лет войнам, ставшим в итоге частью борьбы Испании и Германии с франко-турецким альянсом, не виделось конца. Все стороны выйдут из них ослабленными: король и последний настоящий император (то есть коронованный папой в Риме), разочаровавшись в идее объединить Европу, отречется от всех престолов и уйдет в монастырь, Франция покатится к религиозным войнам, а Италия останется разоренной и уже никогда не займет место светоча мировой мысли. Однако все эти годы солдаты забирали из ее горящих городов не только парчу и столовое серебро, но и жемчужины гуманизма, неся их за Альпы и высеивая семена Северного Возрождения (*собственно, и сформировавшего тот мир, который знаем мы*).

Хорхе мог как ветеран терции продолжить службу во Фландрии, но предпочел вернуться домой, взяв с собой трофей — Франческу Марию дель Васто, происходившую из боковой ветви пресекшегося рода маркграфов Салуццо (для нас будет любопытно, что эта династия по женской линии берет начало от правнучки Ярослава Мудрого, а история одного из маркизов легла в основу сюжета о Гризельде⁷).

Юная Франческа покорила не столько силой, сколько молчаливой мудрости Хорхе, его верности и терпению — тем качествам, которые он унаследовал от своей терции.

⁶ Страстный (исп.).

⁷ Гризельда — образец супружеской покорности, послушания и преданности; она претерпевает жестокие моральные издевательства, которым ее подвергает муж, но в итоге ее терпение вознаграждается; фольклорный сюжет использовался многими — от Боккаччо до «Битлз» (песня «Golden Slumbers»); уже Лопе де Вега смягчал жестокость мужа, чтобы хоть как-то ее объяснить.

Он был очарован освежающим вольнодумством ее мыслей — чего стоит только фраза из ее письма: «О, если бы простые люди знали, как грешат мораль предрержащие!..»

По свидетельствам современников, девушка была очень миловидна. Она запомнилась им настолько, что когда на мосту Святого Ангела отсекали голову знаменитой Беатриче Ченчи (отомстившей за надругательство над собой и после воспетой Перси Шелли и Юлиушем Словацким), многие, подозревая Хорхе в обладании панацеей и знании пути к источнику Жизни, считали, что казнямая и есть Франческа Мария — так они были схожи.

***

«Эпиграммы Хорхе к Франческе напоминают мне стихи нашего великого Густаво Адольфо Беккера. Только вслушайтесь:

Когда коснулся Вашей тени,
Я вновь уверовал в спасенье,
Как в час безмолвия священный,
Предавший Богу новый день, —

и сравните с этим:

Сегодня мне улыбаются земля и небеса.
Сегодня в душе моей солнце, сегодня ушла тревога.
Сегодня ее я видел —
Она мне взглянула в глаза.
Сегодня я верю в Бога.

И почему-то мне рисуется образ „Девушки с жемчужной сережкой“, хотя я отдаю себе отчет в столетии, разделяющем картину и Франческу. Еще это зашифрованное ритмическое (?) посланье (?) из баскских, испанских, латинских и арабских слов, образующих кресты (!) акrostихов (?), — делился мыслями Мигель де Унамуно с молодым Хименесом, издателем журнала «Глобус». Хуан Рамон показал письмо Хуану Валера, писателю и дипломату, который, вспомнив о выдающейся математической школе в России (он служил посланником в Петербурге в начале царствования Александра II), посоветовал Мигелю связаться с русскими.

Как говорится, на ловца и зверь: в ту пору довелось проезжать по Месете Михаилу Коцюбинскому. Так, через его руки, через ту самую Шушаник Манучарьянц, через Капри копия «стихотворения» (будем условно называть его так) с пояснительными материалами, дневниками, письмами, реляциями попала к Василию Евграфовичу Чешихину-Ветринскому. Он бегло ознакомился с ними и... забыл, будучи поглощен бурными событиями 1905–1907 годов; вспомнил, лишь когда столыпинские галстуки утихомирили стихию. В такие годы, отчаявшись искать справедливости на земле, обращаются к миру горнему. Вот и Василий Евграфович случайно (или нет) наткнулся в бумагах на гравюру из книги святого Иоанна Креста (Хуана де ла Крус) «Восхождение на гору Кармель», изображавшую путь души к высшему созерцанию как узкую тропу между делом, словом, славой, силой и т. д. и т. п., что сразу навеяло ему аналогии и с суфийскими мистиками, и с псевдодионисийской традицией («Превыше Божественного света лишь Божественная тьма», — сказал Ареопагит в золотой век Византии), знакомой ему по переписке с упомянутым нами в начале статьи «отцом С.». Помимо прочего, слова о том, как «три добродетели усовершенствуют три области души и как устраивают мрак

и пустоту в этих областях», что «вера является для души „темной ночью“», как нельзя более перекликались с нынешним состоянием Василия Евграфовича, побудив его взяться за работу в надежде войти в «О воистину блаженная ночь, в которой соединяется земное с небесным, человеческое с Божественным!» (из поэмы, написанной Хуаном в заточении).

(Тут следует сделать небольшое отступление и помочь читателю вспомнить, откуда он знаком с именем Хуана де ла Крус, заслуженно названного Доктором Церкви. Когда святой был схвачен кармелитами, заточен в монастыре под толедским алькасаром (и тем заново освятил его, что иносказательно отобразил на полотне Эль Греко⁸) и подвергнут пыткам (да, в любой церкви всегда идет борьба, и далеко не всегда за материальное), один из охранников принес по просьбе Хуана лист бумаги, и он нарисовал свой образ Христа — в необычном ракурсе, словно на Него смотрит Дух или Отец. В наше время этот рисунок лег в основу картины позднего, «ядерного», Дали, которая так и называется: «Христос Хуана де ла Крус». Архив святого был спасен в начале гражданской войны южноафриканским поэтом Роем Кэмпбеллом, автором «Теологии Бонгви»⁹: он дал обет Иоанну перевести его стихи, если тот поможет защитить семью Роя.)

Тем более странным показалось Василию Евграфовичу то, что на оборотной стороне листа с гравюрой обнаружилась калька с какой-то карты с названиями поселений (Агуас-Кальентес, Эль-Энканте, Шкалачечимин и др.), причем часть их была помечена как «здесь есть исконные воды», а от других тянулись стрелки к строкам написанного рядом стихотворения то ли алхимического, то ли «геологического» содержания. Ниже некто неизвестный оставил пояснение, что «как святой Хуан подсказал нам путь к спасению души, так эта карта поможет найти путь к источнику вечной молодости, в саду, на востоке», что она в точности, без искажений, за что комментатор ручается своей честью, срисована с карты, прилагавшейся к «Тринадцатому сообщению» Фернандо Альвы Иштильшочитля (автора фундаментальных трудов по истории толтеков и других мексиканцев), составленной по приказу вице-короля Новой Испании Луиса де Веласко и прокомментированной «благородным доном Хорхе, сыном Хорхе, братом губернатора Эль Дорадо де Урсуа, да простит его Господь».

Загадки нарастали. Намечалась даже путаница в именах. После недолгих изысканий в публичной библиотеке Василий Евграфович понял, что на карту нанесена местность на Юкатане и в Петене (совр. Гватемала), а под «исконными водами» подразумеваются, видимо, священные сеноты (природные колодцы в карстовых провалах), считавшиеся вратами в Шибальбú, царство мертвых. Но если связь молодости, жизни и смерти у краеведа, знакомого с мифологией поволжских финно-угров, удивления не вызывала, то содержание рифмованного комментария заставило его содрогнуться.

Дело в том, что стихотворение оказалось одновременно и любовной лирикой, и... инструкцией: как увидеть тропы будущего в плоти настоящего. «Как в наших сказках ведунья смотрит в чашу с водой, так они смотрели в море крови в грудной клетке, — писал Василий Евграфович в Саламанку. — Они соединили ацтекские навыки извлечения сердца, европейские металлы — и получили ритуал-франкенштейн! Самая безобидная строка здесь — „Рдеющей (то есть раскаленной) медью целовать в губы“. Ужас!»

Мигель де Унамуну посоветовал не спешить с выводами и взглянуть на комментарий как на натальную карту: ту же медь на губах прочитать как Венеру в Тельце, семя,

⁸ ...Отообразил на полотне Эль Греко — имеется в виду картина «Толедо в грозу» (1596).

⁹ Меня возьмет Он в смертный миг

К себе из естества,

Чтоб до конца я Зло постиг

И Ловкость Божества.

залитое оловом, — как Юпитер в Скорпионе и т. п. В ответном письме Ветринский выслал два варианта расшифровки, сохранив в обоих астрологическую составляющую. Первый вариант, «инструкцию», мы привести не можем по этическим соображениям, но со вторым, лирическим, подаренным Василием Евграфовичем своей возлюбленной Марии Дмитриевне, ознакомим читателя:

Волос твой источает железо,
Медью рдеет искус твоих губ.
В терпкость влаги весеннего леса
Гулкой нотой вливается дуб.
Сердце рвется куском красной ртути,
Предвкушая оплавленный год,
Звездной бритвой раскроенной сути
Подносящий запретный нам плод
(Будто он отлучался на время,
Будто знал, закаляя булат,
Как под оловом скрытое семя
Вспыхнет ярче золотых царских врат).
Пусть сурьмы мои мысли чернее,
Пусть свинцов в бронхах след от ребра,
Кто из вас возразить мне сумеет —
Крови, пьющей фонтан серебра?¹⁰

(Для облюбовавших курорты Канкуна читателей, если таковые здесь имеются, будет интересно пояснение Василия Евграфовича: «При наложении полученной натальной карты на карту Юкатана, с разворотом их на 180 градусов относительно друг друга, то есть так, чтобы Весы указывали на бухту Четумаль, искомым источником вечной молодости окажется в точке центра масс фигуры, обрисованной пересечениями медиан треугольников, образованных гармонично взаимодействующими (в астрологическом понимании) планетами обеих октав. Выделенный скобками фрагмент в построении учитывать не следует. Если мои вычисления верны, то „колодец жизни и смерти“ находится в глубине Петена, где-то там, где отмечен Тайясаль. Это же тот самый город, который испанцы сумели захватить лишь через 170 лет после Кортеса?»)

Для тех же, кто не готов отправиться в экспедицию в джунгли Гватемалы и Мексики, продолжим повествование.

Загадки Хорхе де Урсуа увлекли Василия Евграфовича, да и сам он разменял пятый десяток — пора было думать о роднике живой воды. Он даже стал искать по окрестным губерниям озеро, если не похожее на Петен-Ица, то заключающее в себе «мотив сенота». Очевидный вариант — Светлояр — его не удовлетворил, как и Морской Глаз в марийском краю, как и озерко цвета гривы сказочного татарского коня у Сергиевска в Самарской губернии. Впрочем, с последним понятно — оно серное. Наконец поиски увенчались наградой: Вадским. Кристально чистая, ледяная вода (что само по себе редкость в средней полосе), но главное — мощный поток, бьющий из бездны в центре и превращающий гладь в выпуклую линзу, подобную осколку гигантского хрустального шара, из глубин которого будто вглядываются в будущее неведомые племена.

Ветринский приобрел дачу на берегу, где стал проводить много времени.

¹⁰ Астрологические соответствия: железо — Марс, медь — Венера, ртуть — Меркурий, золото — Солнце, олово — Юпитер и само Небо, свинец — Сатурн. Сурьма — «мирской» металл, Земля. Марс, Венера, Меркурий — планеты низшей октавы, Юпитер и Сатурн — высшей.

«Приезжал Мих. Мих. (Пришвин. — *Прим. авт.*), — писал он в дневнике октябрьским днем 1909 года. — Путешествует по Заволжью. Показывал наброски книги о «граде невидимом». Спорили о судьбах революции. Кажется, над Россией теперь навсегда „тень люциферова крыла“. Гуляли берегом. Разговор зашел об ужасном конце Мессины, и тут он обратил мое внимание на необычное отражение и без того кровавого заката в озере: словно предки, сказал он, сулят нам неслыханные перемены, невиданные мятежи...»

Эта случайная фраза укрепила Василия Евграфовича в необходимости продолжать расследование. К тому же пришло новое письмо из Саламанки, в котором Унамуно сообщал, что картографическое чутье не подвело «моего русского друга», что действительно в указанной точке находится древний город, только не Тайясаль, а Тикаль, не замеченный Кортесом во время похода 1524 года и открытый лишь в 1850-х годах, что Хорхе де Урсуа мог от индейцев слышать о нем и о замечательном символе, воплощенном в архитектуре Тикаля, и что данное открытие объясняет смысл эпитаграммы «Когда коснулся Вашей тени...».

Сегодня, когда нам дано читать письма мая, мы можем убедиться в верности догадки философа: эпитафия в заупокойном храме Хасав-Чан-К'авииля, правившего Тикалем в VIII веке, гласит, что он страстно любил жену Иш-Лачан-Унен-Мо и построил в честь нее храм напротив своего. И теперь дважды в год, когда день и ночь равны друг другу, восходящее солнце окутывает тенью его храма храм его жены, а храм жены шлет ответное прикосновение храму мужа на закате. И так — уже 1300 лет — влюбленные, оставив тени своих усыпальниц взамен собственных теней, ушедших изпод Солнца живых, касаются друг друга сквозь небытие.

Возможно, этот мотив навеял Хуану Рамону Хименесу знаменитое «Renaceré yo piedra, // y aún te amaré mujer a ti...» («Вернусь я на землю камнем // и вновь полюблю тебя женщиной... // Вернусь я на землю волною // и вновь полюблю тебя женщиной») — поэт так же страстно любил свою жену, прожил с нею сорок лет, тоже не смог пережить ее смерти и ушел за возлюбленной в майский день 1958 года.

* * *

Так неужели Хорхе был первым европейцем, увидевшим город, поглощенный джунглями? Неужели он нашел путь к Роднику Жизни сквозь гиблые леса, между озер, где находятся врата в Шибальбу — не только мистический потусторонний мир с Домом летучей мыши или Домом обсидиановых ножей, но и вполне реальное царство смерти, похожей, судя по описанию («владыки боли заставляют людей рвать кровью или сжимают их горло так, что их глотки наполняются кровью»), на переносимую рукокрылыми обитателями пещер геморрагическую лихорадку вроде Эболы?

Проследуем его тропой?

* * *

Франческа вдохновляла Хорхе. Иначе и быть не могло с такой разницей в возрасте, когда старость не использует молодость для самоутверждения, а поет свою лебединую песню. Ее советы были не по годам мудры, а поведение переменилось в разумную сторону: сдержанность на людях, смирение на мессе, тщательно подобранная исповедь (в этом сказывался итальянский опыт). Преобразился и он: из циничного боевого офицера, кутившего с братьями по терции (или терпевшего жажду и голод наравне с ними), причащавшегося и убивавшего, он стал — в церкви и при дворе — идальго

«с жесткой верхней губой» (англичане, когда придет их черед править миром, позаимствуют эту манеру у своих врагов, придумывая образ джентльмена). Ему хотелось одаривать ее: ферроньера¹¹ с крупной жемчужиной, золотой жазеран¹² с «рубинами» из Альмадена¹³; когда Франческа, желая подарить наследника супругу (они обвенчались в Сантьяго-де-Компостелла, куда девушка давно хотела совершить паломничество), попросила зибеллино¹⁴ из непорочного зверька (то есть рожавшего через рот, по представлениям того времени), Хорхе не поспешил на соболя из глубин Великой Тартарии.

Но больше того хотелось свершений. Того, что можно бросить к ее ногам, и наконец зажить спокойно и счастливо. Другой отправился бы на одну из бесчисленных войн во славу короля и веры, но и Хорхе, и Франческа всю свою жизнь видели, что чести в войне мало, а грязи и подлости — много. Она бы и не отпустила его в охваченную чумой, французской заразой¹⁵ и ненавистью Европу.

Оставаться в Испании... было душно. Поток золота из Перу размывал здание государства, разорял ремесло и хозяйства крестьян и утекал дальше, к врагам веры (так изощренно вершилась справедливость: Америка уничтожала завоевателей тем, что исполняла их мечту) и в аугсбургский дом Фуггеров, уже прибравших к рукам ртутные озера Альмадена. Чем хуже шли дела внутри страны, тем больше инквизиция превращалась из органа исправления заблудших в приспособление для конфискации, которое могло в любой момент припомнить общение с алхимиками и заинтересоваться слухами об обладании Хорхе философским камнем.

Новый Свет! Даже в названии этой части мира звучало что-то напоминающее о Новом, небесном Иерусалиме. К тому же — золото... ласковое, как осенняя Месета, через которую гонят овец, манящее, как очертания родных берегов в рассветной дымке, совершенное, как перезвон колоколов кафедрала... Уехать, занять огромные, пустые, без печати греха земли, принести Благоую весть дикарям, выстроить рай, как пытался отец Бартоломе сорок лет назад в Венесуэле, пока немецкие конкистадоры¹⁶ не подняли против него на мятеж индейцев.

Такие картины рисовались Хорхе де Урсуа, когда он сопровождал Доминго де Сото, духовника императора, отпущенного последним домой, из Германии на хунту¹⁷ в Вальядолид. Отец Доминго рассказывал о своем брате по доминиканскому ордену Бартоломе де лас Касасе, как тот, живя в Индиях, услышал проповедь другого брата, гневно обличающую обывателей в нехристианском отношении к индейцам, как он посвятил себя делам туземцев, как вопрос был вынесен на решение почившего в прошлом году папы Павла III, и понтифик раз и навсегда буллой «Выше Господа» постановил, что «индейцы Запада и Юга» имеют неотъемлемое право на свободу, собственность и мирное

¹¹ Ферроньера — украшение в виде цепочки или ленты с драгоценным камнем, надеваемое на лоб.

¹² Жазеран — золотая цепь с камнями, укладываемая вокруг стоячего воротника.

¹³ ...С «рубинами» из Альмадена — кристаллическая киноварь, минерал ртути; Альмаден — рудники в Ла-Манче, где ртуть добывалась, как минимум, со времен Рима.

¹⁴ Зибеллино — аксессуар из шкурки соболя (лат. *Martes zibellina*).

¹⁵ Французская зараза — сифилис, одна из величайших эпидемий, сформировавших современную цивилизацию; главная причина смертей в эпоху Возрождения; была принесена моряками Колумба из Америки и вспыхнула в 1494 году, в самом начале итальянских войн; французская армия, бежавшая от внезапной эпидемии из Неаполя, вынесла болезнь за Альпы; в 1497 году достигла Литвы (Быхов), в 1512-м — Японии; лечилась (успешно) ртутью из астрологических соображений.

¹⁶ Немецкие конкистадоры — в 1528 году банковский дом Вельзеров получил в счет долгов императора Карла колонию Klein-Venedig («маленькая Венеция», Венесуэла); спустя три десятилетия колония была конфискована по причине неэффективного управления, а также потому, что администрация колонии так и не крестила местных индейцев.

¹⁷ Хунта — собрание.

принятие истинной веры. Но господин из гуманистов де Сепульведа, к несчастью — воспитатель инфанта Филиппа, сеет смуту: он, взывая к авторитетам Аристотеля и Анджело Полициано, придворного гуманиста Медичи, утверждает, что грешное поведение индейцев свидетельствует о порочности их природы и неспособности к человеческому мышлению, что города они строят, руководствуясь инстинктами, подобно муравьям, а потому должны быть обращены в рабство любой ценой, ибо это — единственный разумный выход.

Да, добавим мы, никогда конкиста не была единым валом, в одержимости и жажде сметающим цивилизации, — у нее были свои изверги и свои святые. И как часто, как мы сумели убедиться за прошедшие 500 лет, идеи гуманизма топтали человечность: что в эпоху Просвещения, что в XX веке — столетии «двух крестов».

В дороге к ним присоединился отрок из Полонии, виконт какого-то княжества, с воспитателем и без охраны. Хорхе увидел в нем себя в молодости, тем более что Вацлав (так его звали) являлся протеже польской королевы Боны Сфорца¹⁸, племянницы донны Катарины, тоже покровительствовавшей его паломничеству в Италию. Отец Доминго обратил внимание на свет неистойвой, хранящей их от разбойников и прочих опасностей веры в глазах Вацлава: «Годы сделают из него или мудрого инквизитора, или жестокого ересиарха. Да простит его Господь!»

К возвращению домой у Хорхе созрел план: отправиться в Новый Свет, обосноваться там и вызвать Франческу Марию. Трудности не страшили. Напротив, вдохновляла слава великих аделантадо, первопроходцев, даже путь капитан-генерала Альвара Нуньеса Кабесы де Вака, после кораблекрушения прошедшего — в сопровождении трех спутников, исцеляя больных и обретая почет «сына солнца», — две тысячи лиг от Флориды до Сьюдад Мехико.

Он уладил дела, купил дом с имением в Гранаде, в местности со здоровым климатом, составил у нотариуса завешание, которое следовало привести в действие при отсутствии известий или получении условного послания, купил снаряжение — одежду, сбрую, колесцовый пистолет (кстати, единственное изобретение Леонардо, признанное современниками), другие мелочи — и нежно попрощался с женой в Севилье, указав ей, в случае если понадобится помощь и совет в ведении дел, обращаться к отцу Доминго. Как она вспоминала, в ночь перед расставанием на город обрушился ветер, и наутро все улочки, паперть собора и берег Гвадалквивира были усыпаны лимонными бутонами.

В ту ночь она зачала.

* * *

«Де Сото — представитель выдающейся школы католических экономистов, сложившейся при университете Саламанки, — выписал Василий Евграфович в дневник. — Они сформулировали теории паритета покупательной способности, свободного рынка, спроса на деньги как таковые и многие другие. Лишь потом их открытия переняли буржуазные экономисты Англии и Франции. Значит ли это, что в шифровке Хорхе де Урсуа содержится то самое „условное послание“ или иное предписание финансового характера? Или здесь снова три разных прочтения? А если разбить на строфы по три строки? И не „омыть пророчицу (сибиллу) кислотой“, не алхимия, а...»

«Да, этот ключ подошел, — записал он через день. — Третья строка закрывает строфу и одновременно открывает следующую. Как будто бы любовная элегия:

¹⁸ Бона Сфорца — жена польского короля Сигизмунда Старого (1506–1548), королева польская и великая княгиня литовская в 1518–1556 годах.

Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Умывший Севилью лимонным дождем
Мадонны Небес в ожерелье глазниц. (или зеркал?)
Мадонны Небес в ожерелье зеркал
Алтарь, и пред ним — ты, рожденная сном (рожденная во сне?)
Наяда, чьи губы — ртутный рубин. (?!)

Мадонна в ожерелье... Странный для католика образ. Я чувствую, что вот-вот пойму его, когда вглядываюсь в зеркало Вадского — моего — озера. И порой мне кажется, что с той стороны, заглядывая в другое озеро, лежащее в „стакане“ грубых известняковых скал, стал вглядываться в меня он — Хорхе де Урсуа, пятый аделантадо Эльдорадо».

* * *

Отплыв из Сан-Лукара, к маю флотилия достигла Америки. По пути она заходила в лагуну Маракайбо — забрать забытых немецких колонистов из Нового Нюрнберга (тех, о ком лас Касас писал: «Немцы хуже самых диких львов. Из-за своей жадности эти дьяволы в человеческом обличье действуют гораздо кровавее своих предшественников»). Ночью небо на юге озарилось частыми вспышками света, началось светопреставление, продолжавшееся до рассвета. «Как маяк, зовущий к новой жизни, — писал Хорхе в первом письме Франческе с другого берега океана. — Это чудо зовется молниями Кататумбо, поведал мне капитан дон Густаво, и бьют они постоянно. Воистину, нерукотворный маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг!¹⁹»

Мы не знаем точно, сколько времени он провел в Нуэва-Испании²⁰ — но, по всей видимости, достаточно, чтобы поучаствовать в подавлении мятежа конкистадоров, познакомиться с науатль (языком ацтеков) и с кодексами (книгами мезоамериканцев) с помощью брата-францисканца Бернардино из Саагуна (он заваривал пиноле из белого маиса, приговаривая, как заклинание, как молитву: «Я делаю пиноле. Я делаю пиноле из чиа. Я разливаю пиноле. Я готовлю пиноле»); и достаточно для того, чтобы совершить поход в Юкатан и составить лоцию к описанной выше карте. Где-то там же ему было видение, определившее дальнейший путь.

В Новом королевстве Гранада (в нынешней Колумбии) пришла радостная весть из Гранады Старой: у дона Хорхе родился наследник — татарский соболь все же помог. Крестили, как и обговаривали когда-то, Хавьером — в честь Франциска Ксаверия, просветителя Китая, но не в последнюю очередь — в честь самой Франчески. Письмо успокоило и позволило с удесятенными силами заняться подготовкой экспедиции.

Хорхе сдружился с правителем страны Гонсало Хименесом де Кесадой (вероятно, на него намекал Сервантес, указывая, кто стал прототипом бессмертного идадьго). Этот муж отличался добрым нравом, а потому пережил большинство покорителей Америк. Изумруды, собранные завоевателем земли чибча-муисков, изумляли и радовали сердце: казалось, в них, как комары в янтаре, увязли искры света Творения, а похожие на мельничные крылья tgariche²¹ напоминали одновременно и о Любви, что движет солн-

¹⁹ ...Молниями Кататумбо... Маяк Господень, указывающий, что мне нужно на юг! — Если провести прямую линию от горловины лагуны Маракайбо через молнии Кататумбо и продолжить дальше, то она укажет точно на Серро-Отаре (910 м) на северной окраине Чирибикете между реками Гуавьяре и Какета.

²⁰ Нуэва-Испания — Мексика и окрестные страны.

²¹ Tgariche (исп. «жернов») — сросшиеся по шесть и более кристаллы изумруда.

це и светила, как если колесу был придан ровный ход²², и о видении Иезекииля²³. И это был знак — из тех, что открываются землепроходцам, и никому другому.

Радовали и гости: как-то их посетили Родриго де Кирого с женою — выданной за него по приказу короля Инес де Суарес, любовницей Вальдивии и амазонкой, спасшей Сантьяго-де-Чили от дикарей-мапуче. Удивительно, но брак оказался удачным: прожив тридцать лет, супруги скончались в один месяц. Чили было небогатой страной, поэтому чета осторожно выразила заинтересованность в результатах похода.

Вот их троих (Гонсало, Родриго и Инес) Хорхе де Урсуа и назначил своими душеприказчиками — распорядителями нажитого в Индиях имущества: если он не вернется или если его спутники не принесут известий от него по истечении трех сезонов дождей, бумаги и деньги следует выслать его супруге Франческе и отцу Доминго де Сото.

Экспедиция должна была выйти из Санта-Фе-де-Богота, пересечь Пáрамо-Сумapas, спуститься в льянос (прерии) по Рио-Мета до Ориноко, после чего повернуть на юг, в Лес. Официальной целью было объявлено Омагуа, Эльдорадо. Неофициально — с одобрения Кесады — Урсуа должен был проникнуть в страну плоских гор (тепуи) Чирибикете. Именно туда вело его видение.

Хорхе был энергичен, как никогда. Он не сомневался в удачном — так или иначе — исходе предприятия и заражал уверенностью всех, изъявивших желание пойти с ним за золотом и самоцветами. Словно там, на Юкатане, он сбросил груз прожитого и вновь обрел радость, не замутненную мудростью.

В начале сухого сезона долину Боготы покинули 50 испанцев и 4 священника в сопровождении 300 туземцев и 800 лошадей и мулов.

Больше их никто не видел.

* * *

Василий Евграфович закончил расшифровку 28 июня 1914 года²⁴ и написал в дневнике: «Срочно уезжать отсюда. Что-то ужасное чудится в озере. Словно вода жизни в одночасье превратится в свою противоположность. И закаты, отражающиеся в нем, все багровее».

«Дорогой Мигель! Высылаю Вам предварительный итог нашей работы. Как я уже писал ранее, в ребусе известного Вам сеньора каждую строфу следует членить третьей строкой на две строфы. Похоже, это тоже карта — географическая? Или карта некоего тела, первопредка, которого следует принести в жертву, чтобы будущее стало настоящим? В любом случае ее ключевые точки образуются пересечениями выделенных вертикальных и горизонтальных строк. Схему прилагаю».

Письмо успело пересечь Европу до начала Великой войны — «неслыханных перемен», так неосторожно напроороченных Блоком и увиденных Пришвиным.

* * *

«В Великую среду, после мессы, я вышел к берегу озера, на котором стоит город, к развалинам храма злых язычников. Я присел на камень этого храма и смотрел на

²² ...Любови, что движет солнце и светила, как если колесу был придан ровный ход — Данте, окончание «Божественной комедии» (неточная цитата).

²³ Видение Иезекииля: «...и вот, бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из середины его как бы свет пламени из середины огня... Вид колес и устройство их — как вид топаза, и подобие у всех четырех одно; и по виду их и по устройению их казалось, будто колесо находилось в колесе. А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз».

²⁴ Дата убийства эрцгерцога Франца Фердинанда.

восходящую луну, отражавшуюся в водах. Внезапно я ощутил себя молодым, полным сил мужем. Я был спокоен, словно только что плотно поел мяса. Вдруг луна стала приближаться, увеличиваясь в размерах. Потом она превратилась в Деву Марию в огненных одеждах, как неопалимая купина. Она сказала, что у меня сердце ягуара, — и я почувствовал золотую шерсть, покрывающую меня. Я ощутил ловкость, спящую в руках и ногах. И тогда я понял, что я тот Ягуар, о котором рассказывал брат Бернардино и который съел четвертое солнце, и потому я чувствовал сытое блаженство. И тогда, чтобы съесть меня, из огня луны вынырнула синяя Змея. Она поглотила меня, как кит Иону, и понесла сквозь вечность. Я видел много странного. Я видел двух змей, между пастей которых было озеро словно звезда. Я видел женщину, раскинувшуюся до края горизонта. Я шел по ней и смотрел, как она порождает существ и ужасных, и прекрасных, и чистых, и нечистых. И все те существа были любимы ею, хотя некоторые из оных впивались в плоть ее, и люди среди них. И женщина была Змея.

И в то же время я видел обычный мир. Он был сложен из жестких, острых узоров. Глаза на листьях деревьев смотрели в мир, как глаза Колесницы Иезекииля. И вновь меня поглотила Змея, и понесла, и изрыгнула к трону. На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой²⁵. Он говорил со мной. Я отвечал ему. Он предлагал все золото страны. Я читал символ веры. Тогда он достал зеркало из радужного дыма и показал меня в нем. И я увидел себя, глядящего на себя с той стороны смерти, но не ужаснулся. И тогда из зеркала двумя языками полилась вода. И я понял, что муж на троне — это мой брат, близнец и противник. Я сражался с водой и был бы повержен, но тут вспыхнуло пламя, и я распался на четыре стихии-птицы. А пятой птицей было время.

И тогда я понял, что я распят, и распятие мое — весь мир. И что я — их главный бог, именем Кецаль-Змей, и что мною он принял Святое Крещение. И что я должен проникнуть в сад, что на востоке, и вынести семена древа. Потому что я, Человек, хранитель этого мира».

* * *

Франческа Мария дель Васто-и-Урсуа прожила долгую, спокойную жизнь. Хавьер, зачатый в бурю сын, выбрал духовное поприще. Эпидемии, бунты, репрессии, бури, землетрясения словно чурались местности, в которой стоял ее дом с видом на снежно-белую Сьерра-Неваду, откуда ветер порой доносил аромат алеппских сосен и неясные, похожие на «Ave» песни. После смерти крестьяне стали тайно почитать ее как заступницу перед Царицей ангелов.

* * *

В 1923 году среди бумаг Василия Евграфовича было найдено стихотворение, посвященное жене Марии Дмитриевне:

Твой образ я вижу. Ты — утра опал,
Омывший Севилью лимонным дождем

Мадонны Небес в ожерелье зеркал
-----

²⁵ На троне сидел человек в царских одеждах и с одной ногой — Тескатлипока; мифология поздних майя и ацтеков.

Алтарь, и пред ним — ты, рожденная сном
 Наяда, чьи губы — алмаденский лал²⁶.
 Твой образ — Мадонны небесный опал,
 Отблеск зари у лимонных морей

 Над черною водою бездонных зеркал

Утренней дымкой весенних дождей
 Я, бриг без руля. Ты — девятый мой вал.
 Солью покроет эспады металл
 Пасынка Родины в дальнем пути

 Ангелов грозных, дымящих зеркал

Снами в бутоны лимона вплети
 И — облаков андалузских опал.

Р. С. Несколько лет назад в джунглях Колумбии, к югу от Гуавьяре, было открыто гигантское, 12-километровое панно с наскальными рисунками, которое за величие и красоту назвали Сикстинской капеллой древних. В 2019 году археологи обнаружили в узком, в метр шириной, проходе между скал останки человека в испанских доспехах XVI века. Он лежал на спине, погребенный лишь нанесенным песком и опавшей листвой. Его руки были сложены на груди, словно обхватывая и поддерживая растущее из ее центра деревце сейбы. На вид будущему великану Леса не более семи лет.

СЕЯ ВЕТЕР (Спасти Речь Посполитую)

Si more cantando,
 si more sonando
 la Cetra, o Sampogna,
 morire bisogna.
 Si muore danzando,
 bevendo, mangiando;
 con quella carogna
 morire bisogna.

Так пой, умирая,
 на цитре играя,
 на лютне, на флейте,
 готовься ты к смерти.
 Встречай ее миром,
 весельем и пиром,
 ведь всякий на свете
 готовится к смерти.

*Стефано Ланди,
 «Человек исчезает, как тень»²⁷*

Недавно историки обнаружили в рассекреченных архивах Ватикана (конкретно — ордена святого Игнатия) один любопытный документ:

«Nachwałę Bożą. Wacław Przemysław Wituwił, z Bożeysłaski Krol Polski, Wielkie Xiąże Litewskie, Ruskie, Pruskie, etc. nakazał: Pani Dworu Lucinkę z Województwa

²⁶ Лал — рубин.

²⁷ Лат. Homo fugit velut umbra или итал. Passacaglia della vita («Пассакалья о жизни») — известное вокальное произведение XVII века, авторство которого приписывают итальянскому композитору Стефано Ланди.

Nowogrodzkiego wznieść do szlchetnego stanowi i obdarzyć zamkiem w Čachticach w kraju Trenčyńskiem...»²⁸

К сожалению, далее текст обрывается, и причины этого станут скоро ясны.

Сам же документ любопытен по ряду причин. Во-первых, он показывает амбиции короля: Тренчинский край²⁹ с Чахтицким замком еще предстояло завоевать, обосновав права на венгерское наследство — то есть вступить в борьбу не только с цезарем Священной Римской империи, но и с султаном Блистательной Порты.

Во-вторых — и это главное, — как следует из текста документа, король велит проинвестировать придворную даму (Pani Dwoгу) в благородное «шляхетское» достоинство (do szlchetnego stanowi). Другими словами, некая «Люцинка из Новогрудекского воеводства», из Восточных кресов³⁰, до того момента оставалась простолюдинкой! И это неслыханно для тех времен, когда социальные лифты законсервировались и редкий буржуа мог попасть в состав высшего сословия! К тому же из немногих документов его правления следует, что король массово раздавал дворянство представителям третьего сословия.

Кем же был этот проклятый и забытый польской дворянской историографией король?

Одни источники утверждают, что он потомок (или побратим — в этом вопросе ясности нет) рыцаря Ordo Teutonicus³¹ по имени Манфред, происходившего то ли из Эгерсланда на границе Богемии и Франконии, то ли из фогта³² Тодтнау в Швабии — владения вымершего еще в высокое средневековье дома Церинген. Согласно другим, его предком является выходец из клана шотландских горцев McCaughy из области Atholl (одним из предков которых был Дункан I Добрый, король Шотландии, чья смерть описана Шекспиром в пьесе «Макбет»), приехавший по призыву гроссмейстера ордена накануне Великой войны 1409–1410 годов и принявший участие в Грюнвальдской битве. Так или иначе, этот рыцарь попал в плен к литвинам и по приказу великого князя Витовта женился на дочери одного из Витовтовых татар, войта Keturiasdešimt Totorių (Сорок Татар)³³ в Виленском крае. Вероятно, от нее у короля Вацлава Пшемислава Витувилла было второе родовое имя MawłwiŃ (если только оно не появилось в период увлечения Польши сарматизмом³⁴).

Фамильный герб Трубы (Trąby) говорит о родстве предков короля с Радзивиллами (восхождение обоих кланов началось в одно время: основатель вторых Радзивилл Остикович умер в 1477 году), но если последним — этому мрачному магнатскому роду — удалось уцелеть и пробиться к вершинам власти, то интересующий нас род большей частью полег в ходе феодальной и гражданской войны между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем и прочих бурных событий XV и XVI столе-

²⁸ «Во славу Бога. Вацлав Пшемислав Витувилл, милостью Божией король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский, и др. ...приказал: придворную даму Люцинку из Новогрудской области возвести в дворянское достоинство и одарить замком в Чахтицах в Тренчинском крае» (польск.).

²⁹ Тренчинский край — область в Западной Словакии.

³⁰ Восточные кресы (польск. Kresy Wschodnie) — восточные окраины.

³¹ Тевтонский орден (лат.).

³² Фогт — наследный лен (с XI века) имперского чиновника (Reichsvogt); отсюда происходит слово «войт» (староста).

³³ Сорок Татар — ныне деревня под Вильнюсом.

³⁴ Сарматизм — идеология, возводившая шляхту к сарматам и тем самым противопоставлявшая ее как холопам внутри страны (этнически обосновывая угнетение поляков, литовцев и восточных славян), так и окружающим народам — буржуазному Западу и деспотичному Востоку; впервые описана в варшавской газете в насмешливой форме (bałwany sarmatyzmu); внешнее выражение получила в характерной восточноевропейской одежде; в XIX веке сарматизм превратился в специфический «польский мессианизм».

тий и в итоге перебрался из великого княжества в королевство, предоставив управлять именными немцам и иудеям.

Возможно, отсутствие весомой клановой поддержки предопределило жестокость политики короля-реформатора, опиравшегося на третье сословие, в не меньшей степени, чем образование, полученное в Италии. И хотя на его мировоззрение, согласно заочному инквизиционному процессу, тайно проведенному по приказу папы, решающее влияние оказала философия генерального викария Церкви Николая Кузанского, но выплеснувшаяся из родины Ренессанса борьба философских идей, религиозные войны, охватившие половину Европы, привели короля к тем же выводам, что и его старшего современника Мишеля де Монтеня: к скептицизму, в том числе относительно человеческой природы. Останься он в Италии или даже во Франции (Варфоломеевскую ночь он видел воочию), Вацлав мог бы войти в плеяду поздних гуманистов, но рок, сводивший с ума целые народы, распорядился иначе: будучи патриотом приютившей его германо-шотландских и татарских предков Родины, он вернулся в Польшу.

Вернулся и попал в самый разгар кризиса: межкоролевье. Многочисленные шляхетские партии, подпитываемые русской, шведской, имперской и — опосредованно, через трансильванскую — турецкой агентурой, ветировали враждебных кандидатов на элекционном сейме³⁵. К столице стягивались войска феодалов, и поле между Варшавой и Волей грозило превратиться в поле битвы. В отсутствие господ по всей стране — от Познани до Смоленска, от Риги до Запорожской Сечи — поднимало голову *будю*, крестьянство; чтобы привести их к покорности, часть дворян разъезжалась по поместьям и там, вдали от бездействующей власти, объединялась в конфедерации, а за Диким полем крымские и буджакские татары готовились идти в традиционный набег за ясырем³⁶ — и на этот раз они имели все шансы повторить успехи времен Менгли-Гирея³⁷ и опустошить от людей все, вплоть до Люблина и Вильны.

В этих условиях великий коронный маршалок предложил компромиссную фигуру Вацлава Пшемыслава как не имеющего влиятельных связей кандидата. Сенаторы-резиденты и земские послы одобрили выбор, и, подписав *роста conventa*, Вацлав был избран.

Коронационный сейм провести не удалось, так как к тому времени татарско-молдавско-казацкое войско³⁸ уже наводнило Волынь. Галицийское население массово бежало за Карпаты под защиту турецких гарнизонов. В условиях, когда шляхта затягивала сбор посполитого рушения (общего войска), король выступил в самоубийственный поход с одним лишь присягнувшим ему на верность регулярным четвертным войском, дополнив его ополчением — пока только городов, обладавших магдебургским статутом. Ему удалось совершить чудо: пройдя через болота Полесья, он сумел захватить врасплох самого сына хана, возглавлявшего набег, и принудить последнего к миру на два года в обмен на право забрать все награбленное, кроме человеческого полона. От казаков он откупился, отдав им с правом перепродажи пленников, взятых в имениях волынской и галицийской шляхты, — тем самым подорвав ее экономическую базу. Похоже, уже в то время король замыслил масштабные реформы.

³⁵ Элекционный сейм — «выборный» ординарный (то есть тот, на котором каждый шляхтич имел право veto, в отличие от конфедеративного) сейм, второй этап выборов короля.

³⁶ Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

³⁷ Менгли-Гирей — крымский хан в 1469–1515 годах; в союзе с Иваном III Московским воевал с Большой Ордой и Литвой.

³⁸ ...Татарско-молдавско-казацкое войско — они часто воевали вместе, достаточно вспомнить гетманов времен Руины.

Стремительный марш-бросок через болота вызвал растерянность магнатов, а среди полуязыческого православного населения Восточных кресов пошла молва о возвращении Всеслава Чародея³⁹.

Ввиду молниеносности событий неспешно собиравшееся посполитое рушение не успело оказать на них никакого воздействия, но зато дало повод королю обвинить явно уклонявшихся дворян в измене. Был обнародован привилей⁴⁰, по которому крепостные изменников были переведены в особый коронный фонд (*założenie*), а барщина сокращена до двух дней в неделю. Шляхта, почуяв смертельную угрозу, начала нескоординированный рокош⁴¹, что повлекло новые конфискации и казни. Для осуществления этой политики король санкционировал создание поместного (*miejski*) войска, которое рекрутировалось из горожан. При этом все города, создавшие такое ополчение, выводились из подчинения феодалов и наделялись магдебургским правом, то есть широким самоуправлением. Одна эта мера могла бы создать базис для будущего экономического возрождения Польши и заложить основу для формирования национальной буржуазии.

Другим указом король нанес превентивный удар по проискам московского царя. Было запрещено представителям одной конфессии обслуживать культовые здания другой. Это означало, что арендовавшие православные храмы иудеи более не могли взимать плату за пользование зданием с православных прихожан, а значит, и доходы литовской шляхты в очередной раз подрывались. Отдаленным последствием указа стало то, что вторгшийся с разведывательным набегом отряд князя Голицы был разбит под Оршей крестьянско-городским ополчением, и царь отказался от своих замыслов; ближайшим же последствием явились еврейские погромы, осады замков поместными войсками и великий рокош магнатов.

Витувиллов Потоп начался.

Были ли эти события — освобождение городов, ограничение кабалы крестьян, предоставление убежища немецким ремесленникам (равно католикам, лютеранам, анабаптистам и моравским братьям), бежавшим из городов, занятых войсками враждебной религиозной партии, созыв Великого Земского Сейма трех сословий (некоего аналога Генеральных Штатов) обоих государств (Польши и Литвы), Потоп⁴² — роковым стечением обстоятельств, вызванных крымским вторжением? Мы считаем, что нет. Набег лишь обусловил стремительность событий, но не их направленность.

Прожив многие годы в Италии — в то время культурно передовой, но клонящейся к упадку стране, — Вацлав наблюдал как ведущую роль городов — при наличии у них прав — в развитии страны (что было достаточно очевидно на примере соседней Германии), так и упадок олигархических республик — Венеции, Генуи и других (что в XVI веке было еще не столь очевидно) — и тенденцию к установлению тирании. А побывав во Франции, он убедился, куда смещается центр тяжести европейской политики и какие режимы этому способствуют.

Многие публицисты любят повторять, что Речь Посполитая (*Rzeczpospolita*, «*Res Publica*») была чуть ли не первым образцом демократии в Восточной Европе. Но какая то была демократия? На примере первого полугодия правления Вацлава Пшемислава

³⁹ Всеслав Чародей — легендарный князь Полоцкий (1044—1101).

⁴⁰ Привилей (польск. *przywilej*) — особый указ, жалованная грамота.

⁴¹ Рокош (польск. *rokosz*) — бунт, мятеж.

⁴² Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI—XVII веках получили емкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же емким аналогом выступает «фитна» — серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656—866 годах.

мы увидели, чем она грозила стране и народу. И если другие короли мирились с подобным положением вещей, когда они не могли даже собрать армию перед лицом нашествия соседей, то наш король не стал терпеть то, что любой гонористый (*honor*) горлопан мог выкрикнуть «*Niema zgody, veto!*»⁴³ и тем самым парализовать жизнь огромной страны. Тем более перед лицом того, что сарацины уже стояли у стен Вены, а вся Европа готовилась к большой религиозной войне. В других обстоятельствах он, возможно, сумел бы провести реформы не так кроваво (что, однако, сомнительно: в соседней стране при минимальном сопротивлении аристократии Иван Грозный был немногим более мягок), но суровые времена требовали суровых мер. В конце концов их не избежали ни Франция, втянувшаяся в гугенотские войны, ни Англия, истребившая свою аристократию в Войне Алой и Белой розы.

Режим Вацлава имел, безусловно, популистские черты: его массово поддерживали горожане, значительная часть малоимущей загородной, чиншевой, панцирной и тому подобной шляхты, а также католического и православного крестьянства. В разгар борьбы король поднял на щит слова Николая Кузанского: «Бог во всем, и все в Боге». Кроме пантеистической декларации, призванной примирить католиков и ортодоксов, данный девиз также индальгировал его сторонников: «Нет греха, если Бог во мне».

Пытаясь выработать новые законы для всей страны, король созвал вышеупомянутый Великий Сейм, но ситуация быстро выходила из-под контроля: завладевшая землями магнатов шляхта переметнулась в лагерь врагов, магнаты тратили огромные состояния на подкуп вассалов и найм европейских ландскнехтов, русских стрельцов и турецких янычар, немецкие беженцы разных конфессий устраивали побоища на улицах городов, шведские пираты парализовали торговлю на Балтике, казаки разорвали Поднепровье, а Вышневецкие — Сечь, и прочее, и прочее. Лишь Вацлав метался по стране, подавляя один мятеж за другим; он и его войско, которое прозвали «Дикой охотой воевод ужаса», практически не покидали седла, но, увы, в седлах сидели люди из плоти и крови, а не демоны — в бесконечных сражениях число его соратников таяло, как снег под весенним дождем.

В разгар половодья он был в Гродно. Получивший аудиенцию английский посол записал его последние задокументированные слова: «*Alena wet najbardziej zażarta bestia odczuwa litość. Nie znam litości. Więcnie jestem bestią*»⁴⁴. Вскоре Шекспир (снова он всплывает в нашем повествовании) вложил их в уста своего героя, Ричарда III.

Вацлав Пшемислав I был убит на исходе весны — как гласит современное белорусское предание, «когда одувачики укрывают белым пухом землю». С ним закончилась и последняя весна Речи Посполитой: стране предстояло не одно столетие служить сельскохозяйственным придатком бурно растущих абсолютистских стран Европы, которых она кормила хлебом, добываемым нещадным барщинным рабством. А после была растерзана так же, как ее правитель.

Король был доставлен в Краков, но в разгар панихиды в Вавельский собор ворвались магнаты, извлекли тело на площадь и провели «коронационный сейм»: надели на голову раскаленный обруч и сожгли на специально изготовленном железном троне.

И лишь в самых глухих деревнях полешуков и русинов до сих пор жива легенда о том, что однажды весной король Вацлав-Всеслав вернется.

А для нас мораль этой истории заключается в том, что чем позже начато движение в будущее, тем большей крови оно потребует.

Рафал Вильчур, профессор Краковского университета, 1930 год

⁴³ «Нет согласия» (польск.).

⁴⁴ «Но даже самый лютый зверь испытывает жалость. Не ведаю я жалости. И значит, я не зверь» (польск.).

Appendix I
Из романа Габриеллы (Нарцизы) Жмиховской
«Язычницы»⁴⁵

«Любимый мой! Король мой!

В письме я позволяю себе то, что не смогла бы при встрече. Ты никогда не прочтешь написанное, но я не могу не сказать тебе единственно важное для меня сейчас. Знай, я ухожу с мыслями о тебе, о том, каким тебя помню и знала. И мне уже не страшно.

Ты мой первый, ты мой единственный. Ты смог зажечь во мне страсть, и ты же не дал мне сгореть в ней заживо. И я твоя. Даже сейчас. Ты не представляешь, в какое чудовище я превратилась, но все же та, кто сейчас к тебе обращается, она осталась прежней, преданной твоей Люцинкой, которая приходила к тебе ночами по первому зову. Ты помнишь те ночи? Пусть я тысячу раз ошибаюсь, но и ты тогда любил меня, пусть только на миг, пусть у тебя случалось не раз, до меня и после меня. Но для меня это было важнее всего, только тот миг и имел значение. И он был! Даже если нет, я продолжаю верить. И хранить память. Как самое ценное.

О тебе говорили много разного, много ужасного. Верила ли я тому, что слышала? Да. И нет. Все они знали только твои черные, пугающие бездной глаза. Но я видела и другие. Зеленые.

Ты отдал мне этот проклятый замок — ты отдал меня другому. О, как я ненавидела тебя в тот момент! Как ненавидела его. Но не смела ослушаться. Мне завидовали, смотрели свысока и — боялись. Лучше бы мне было умереть тогда, когда ты меня покинул, когда простался со мной. И пусть бы этот твой взгляд — теплый и родной — был бы последним, что запечатлелось в моих глазах.

Но вышло иначе. Вышло, что мне пришлось стать женой другого. Он приходил ко мне, а я видела лишь тебя. Внутри я хохотала над его потугами заполучить меня. Тело он получал... Но не меня. Потом я стала хохотать открыто, его это пугало, а я начала бороться за себя. Каждый раз оборачивался схваткой, а я сопротивлялась дикой кошкой насмерть. И порой выходила победительницей. Меня посещали его друзья. Это стало развлечением — прийти ко мне и не знать, уйдешь ли целым и живым. Скоро я научилась делать по-другому: они появлялись, получали безучастное к происходящему тело, а я стояла рядом и смотрела. Это сработало, ко мне потеряли интерес.

Однажды тот, кто звался моим мужем, не вернулся. Говорили, погиб. Все зло смотрели на меня, но никто не посмел обвинить. Хозяйкой замка стала я. Отныне я вся принадлежала себе. И после случилось много такого, о чем я не хочу сейчас говорить. Это письмо — не исповедь. Но я была страшна в своем безумии.

А сейчас я в этой клетке. Они придумали, как все устроить. Мне предстоит суд, то ли за предательство, то ли за ведьмовство. Это уже не имеет значения. Чувствуется, что там, за решеткой, близко — весна. В воздухе я слышу живительные токи, запахи... Новую жизнь. Дождаться бы, когда она развернется во всю силу. Дожить бы до первого полнолуния. Чтобы воплотить древнее колдовство.

В углу моей темницы возится летучая мышь. Я стану ею. Я улечу отсюда. Единственное заклинание, которое когда-то выучила. Будто знала, что пригодится.

Странное предчувствие говорит мне, что, может быть, когда-нибудь мы найдем друг друга. Ты будешь рыскать темными пущами бесстрашным волком, а я — бесшумно лететь рядом. Сейчас так ясно представилось. Но мало ли что мне мерещится.

⁴⁵ Габриелла Жмиховская (1819–1876) — польская писательница, одна из зачинательниц феминизма в Польше; в 1849–1851 годах находилась под следствием.

А помнишь одну ночь? Когда ты пришел совсем уставший, едва живой, после чего-то страшного, а потом положил голову на мои колени, я перебирала твои волосы, а ты всю ночь говорил, говорил... Это я и буду вспоминать перед тем, как покину клетку.

Ты говорил что-то про лампу, которая никогда не погаснет. Лампа не погаснет, а вот моя лучина догорает. Но знай... услышь меня. Я любила и люблю тебя. Вопреки всему, что творится вокруг. И эта весна...»

На этом письмо обрывается.

Appendix II
Из неоконченной трагедии Юлиуша Словацкого
«Витувиллов потоп»

АКТ V
СЦЕНА 3 (окончание)

Вацлав (*Разламывает в пальцах жареный каштан.*)
Как хороши каштаны в Ангулеме...
В Дижоне тоже, впрочем, неплохи.

Люцина
Мне география каштанов — темень,
Но суть знакома... В них звучат стихи.

Вацлав
Имел привычку я, живя в Бергамо,
Ночь начинать с фалернского вина.

Люцина
Мне от себя самой настолько странно:
Шатает так, хоть вовсе не пьяна —
Как будто я весны впитала соки,
И буковый в цветы укрылся лес...

Вацлав
Люцина! Не бойшься ты потомков
И злых речей подвядших баронесс!

Люцина
Что мне косые взгляды, пересуды,
Ведь вся перед тобою, мой король!

Вацлав
Христа убил не Сотник⁴⁶, но Иуда.
И мы на раны самолюбия их — соль...
Но кончим о высоком речь! Оденься!
Я приказал подать нам каплунов,
Богемского кувшин. Потом к обедне.
Вернусь и разделю с тобой альков.

⁴⁶ Сотник — Лонгин Сотник, пронзивший копьем бок Христа.

Хотя... еще успею причаститься,
Покаяться — пора бы уж Сапег
Отправить в ад. Да, ты была в Чахтицах?

Люцина
Любимый, а ты точно человек?

Вацлав
Да, человек. Ведь жалость даже к людям
Испытывает самый лютый зверь.
Но я могу подать врага на блюде —
Как человек. И значит, я — не зверь.

Люцина
Чахтицы где? И что это за место?
В Тренчинском крае? Нет, там не была.

Вацлав
В Унгарии. Оно малоизвестно.
В лесах, где, как слеза, течет смола.

Люцина
В заплаканных лесах? Звучит тревожно.
Но почему о нем ты речь завел?
Люблю, как говоришь, пусть часто сложно...

Вацлав
Купил имение тебе. Пора в костел. (*Уходит.*)

Люцина (*В сторону.*)
Костел, имша⁴⁷... Господь молитвы примет?
Но кажется, что нам уж не спастись.
Имение? Край дикий, нелюдимый?
Не жить там без тебя. Люблю. Прости.

Конец сцены.

Appendix III (Войтко С., из материалов фольклорной экспедиции)

Легенда о Волке и Летучей мыши

В деревнях у пуши древней
Вспоминают о легенде:
Будто ночью предвесенней
Мрачным лесом неизменно
Диких зарослей тропею
Сквозь туман, что лег стеною,

⁴⁷ Имша — (ст.-белорус.) месса.

Волк проносится могучий,
 Рядом мыши тень летучей.
 Их увидеть — то неясно:
 Повезло или опасно?
 Далеко не прост тот волк:
 Вацлав Пшемислав, король.
 Смыт истории потоком,
 Но остался вечным волком.
 Ну а мышь — простолюдинка,
 Неизвестная Люцинка.
 Миг любви их — часть преданья.
 Дальше было расставанье,
 Путь жестокий, полный мрака,
 Безысходности и страха.
 Иль проклятьем, иль спасеньем —
 Двое оказались тенью,
 Привидением иль зверем,
 Тайной древнего поверья.

ЗАЖИГАЯ ЗЕЛЕНУЮ ЛАМПУ
История дружбы мужчины и женщины
Посвящается дяде, который заменил мне деда

И плоть стала Словом, отвечая любовью Слову,
 ставшему плотью.

Александр Мень

«Что нельзя рассечь ятаганом, то можно удавить золотом», — писал Рашид-паша своей покровительнице Сафие-султан, матери Мехмеда III. Перед ним стояла грандиозная задача: окончательное решение северного вопроса — проблемы грабительских набегов запорожских и донских казаков на цветущие земли Малой Татарики (Крымского ханства) и Молдавского господарства. Это была программа-минимум. Программой-максимум же являлось восстановление суверенитета Белой Орды (под эгидой ханов Улуг Ордые Дешт-и Кипчака, Крыма) над исконными землями Чингизидов — Казанским царством, Астраханским ханством и Диким полем (польской Украиной).

Вопрос: каким образом? Даже при намного более благоприятных условиях прямое завоевание становилось физически сложным: армия, выступившая из Стамбула весной, достигала театра военных действий — будь то Иран, Йемен или Австрия — лишь поздней осенью. А тут — кризис, равный которому случился в Великолепной Порте только без малого 200 лет спустя (мы имеем в виду кырджалийскую смуту).

Зеркала

Османская империя — брат-близнец Русского царства (схожесть, обусловившая взаимную ненависть этих наследников Второго Рима). Они родились в одно время. Московское княжество выросло из жалкого осколка Древнерусского государства в борьбе с ханами дома Джучи, власть которых в итоге унаследовало, став белым падишахом для степных народов. Османский бейлик⁴⁸ — такой же осколок Великих Сельджукидов,

⁴⁸ Бейлик — феодальное владение, управлявшееся беом (баем).

объединявших под своей сенью народы от Европы до Мавераннахра (Средней Азии), — стал империей в борьбе с Византией, мамелюками Египта, крестоносцами и прочими.

Даже кризис у них наступил синхронно: Иван Грозный довел свое царство до так называемой Порухи⁴⁹, когда в сердце страны было брошено от половины до девяти десятых (!) пашни (стоит ли удивляться, что вскоре пришел подлинный царь — Великий Голод, а следом — Смута); на юге же началась эпоха «женского султаната», когда матери оказывали сильнейшее влияние на сыновей-повелителей.

Она

Одной из прекраснейших звезд в этой плеяде была Сафие-султан, дочь Леонардо Баффо, губернатора Корфу (самого венецианского из греческих островов), выкупленная у пиратов Михримах-султан, дочерью Хюррем Хасеки-султан, законной жены — не наложницы — Сулеймана Великолепного, и подаренная ею своему любимому племяннику Мураду III. Родив последнему наследника, Сафие стала при сыне валиде-султан, а фактически — регентом империи, правившей совместно с Газанфер-агой, капы-агой белых евнухов⁵⁰ и главой Эндеруна (дворца в Топкапы, где готовились управленческие кадры из «чужеземных мальчиков», набранных по девширме, налогу кровью, среди балканских христиан: *Порта была империей в том смысле, что пыталась инкорпорировать в государство все нации*). Сафие-султан вела активную переписку с королевой-девой Елизаветой (той самой королевой Бесс, правление которой стало позже ассоциироваться с «доброй старой Англией»). «Женщина слова... лишь в ней одной нашел я истину в Константинополе», — докладывал Сенату Венеции Лоренцо Бернардо. Требуется ли иная характеристика?

Для нашего же времени будет интересен такой факт: когда муж ее дочери Айше-султан, великий визирь Ибрагим-паша начал топить городских блудниц в Босфоре, теща его строго отчитала, указав, что он поставлен для управления столицей, а не для истребления женщин.

К описываемому времени власть валиде-и саадетпенах, «матери счастливого прибежища», пошатнулась. Ее связь (возможно, любовная) с еврейкой итальянского происхождения Эсперансой Малхи послужила причиной всеобщего недовольства. Эсперанса, будучи кирою (бизнес-агентом между гаремом и внешним миром) и фавориткой владычицы, активно запускала руку не только в казну Харем-и Хумаюна (собственно имперского гарема), но и в казну государства. Положение усугубил ее конфликт с Беатрис Михиль, шпионкой Венецианской республики. В итоге Эсперанса со старшим сыном была убита восставшими сипахами (аналог европейских кирасиров) прямо перед домом каймакама (губернатора) столицы Халиль-паши. Младший сын, спасая жизнь, перешел из иудаизма в ислам. Влияние еврейской общины в Стамбуле было подорвано, и экономическая власть начала понемногу перетекать к грекам-фанариотам⁵¹,

⁴⁹ Опустошительные кризисы и гражданские войны в Польско-литовском и Русском государствах в XVI—XVII веках получили емкие, уникальные (не встреченные автором нигде за пределами этого ареала) названия: Поруха, Смута, Руина, Потоп; единственным таким же емким аналогом выступает «фитна» — серия из пяти войн внутри Арабского халифата в 656—866 годах.

⁵⁰ Белые евнухи (ак-хадымы) — евнухи, которых набирали из европейских народов; кастрировались частично, так как в отличие от черных (из африканцев) евнухов считались неспособными перенести операцию по полному удалению половых органов.

⁵¹ Фанариоты — греки, селившиеся в районе Фанар близ резиденции Константинопольского патриарха, главы Рум-миллета (общины, объединявшей всех православных империи); занимали высокие посты в османской бюрократии; после греческой войны за независимость уступили влияние болгарам и армянам.

впоследствии выдвинувшим «Мегали идея» — план возрождения Византии путем внедрения в администрацию Османской империи и перехвата управления ею.

Империи губят не варвары — их губят амбиции столицы.

В вилайетах также было неспокойно: на Дунае Михаил-ага (Михай Храбрый), потомок Влада Цепеша (Дракулы), сумел на короткий срок объединить все три княжества (скорее благодаря бездарности правителей соседних — Жигмонта Батори, позорно обменявшего свою Трансильванию на герцогство в Силезии, и Иеремии Мовилы в Молдове, платившего дань Польше, Крыму и Турции одновременно (!) в попытке преодолеть последствия правлений Александра Злого и авантюриста Петра Казака); в сердце Турции бушевала джелялийская смута — восстание крестьян, возглавленное курдами-алевитами (с родным бекташам⁵² суфийским течением, чьим девизом было «Важное дело — не религия, а человеческое существование»; в XX веке алевизм сближился с марксизмом).

К чести правительства Сафие-султан, с этими проблемами центральной власти удалось справиться. Дели Хасан, предводитель джелялиев, получил пост бейлербека⁵³ Боснии и увел туда десять тысяч сабель. Михай Витязул был свергнут поляками и при попытке вернуться на трон убит итало-германским генералом Джорджио Баста.

При этом Порты унаследовала от Византии идею экуменизма (но под эгидой полу-месяца, а не креста) и вела наступление во всех направлениях: пехота, сипахи, огонь артиллерии. Особенно затяжными выдалась войны с Ираном, возрождаемым Аббасом Великим, и Священной Римской империей Габсбургов — именно они на протяжении столетий были непримиримыми врагами османов до того, как эта роль перешла к России.

Как для любой империи, расширение было залогом ее выживания.

Эта борьба привела Турцию к естественному союзу с Францией и, как ни странно, но логично, к взаимопониманию интересов с папой римским.

В перипетиях этой политики, где меч был основным языком дипломатии, а религиозная непримиримость не мешала взаимовыгодному сотрудничеству (не ради золота, а ради выживания собственной веры), и сформировались государственные таланты нашего героя.

Его род

Рашид-паша происходил из рода мусульман Аль-Андалуса, рассеянного по свету в «Золотой век репрессий». После издания испанским правительством очередного Прагматического эдикта, грубо нарушившего условия капитуляции Гранады (разрешения соблюдать ислам при лояльности власти), а на этот раз запретившем даже песни и танцы, его дед принял участие в восстании в горах Эспадан (в Кастельоне, регион Валенсия), подавленном с помощью немецких наемников. И хотя король и император Карл, озабоченный проблемами с лютеранами в Германии и папой в Италии, разрешил мусульманам сохранить обычаи (но с переходом в христианство), дополнив это иммунитетом от инквизиции на сорок лет (*инквизиция занималась только делами единоверцев — на мусульман и иудеев ее юрисдикция не распространялась*), часть рода, понимая тенденции, решила эмигрировать.

⁵² Бекташи — военно-суфийский орден, основанный в период монгольского завоевания Ирана и Ирака; главное отличие ордена — принятие концепции вахдат аль-вуджуд (Всеединства бытия, воплощающегося в Камиле аль-Инсане, Совершенном Человеке).

⁵³ Бейлербек (бейлербей) — тюрк. «бей беев», наместник области в Сельджукской державе и ее наследниках — Османской империи и империях на территории Ирана при тюркских династиях 1502–1925 гг.

Дядя Рашида поступил на службу в армию, дослужился до капитана терции при Хорхе де Урсуа и отправился за золотом в Новый Свет. Двоюродные братья остались (суровость испанских законов компенсировалась коррупцией аппарата) и впоследствии вошли в контакт с французскими гугенотами — с ними криптомусульман объединила необходимость борьбы с тиранией Габсбургов. А Реза-ад-Дин бен-Джаффар, отец нашего героя, предпочел сохранить верность пророку владыки Вселенной и с несколькими другими семьями перебрался в Африку.

Позднее общность происхождения свела Рашида, в то время эфенди (лейтенанта), с Эстер Хандали — еврейкой родом из Хереса-да-ла-Фронтеры (морских ворот Севильи), фавориткой и кирой Нурбану-султан (свекрови Сафие).

Беженцы были приняты властями Алжира, им выделили земли на побережье и у руин старого нумидийского Сетифа, но мирная жизнь не наладилась — помешали регулярные набеги христианских пиратов. Поэтому бен-Джаффар поступил во флот величайшего турецкого корсара Хайреддина Барбароссы, дослужился до капитана галеры, при Превезе участвовал в разгроме невиданного доселе в Европе флота Священной лиги (Венеция, Генуя, Испания, Папство и пираты ордена святого Иоанна) в полторы сотни боевых кораблей под началом знаменитого генуэзца Андреа Дориа, три года спустя оборонял Аль-Джазаир от армии вторжения, возглавленной самим императором Карлом и Железным герцогом Альбой.

После того как буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым хваленая «Непобедимая армада»⁵⁴ — небольшая флотилия, Карл отказался от экспедиций против мусульман, и Реза, оставшийся в душе мирным крестьянином, получил возможность вернуться к сельскому труду. Правда, перед этим ему пришлось принять участие в осаде Ниццы (совместно с французским флотом герцога Энгиенского) и перезимовать на оперативной базе, любезно предоставленной Франциском I⁵⁵ турецкому флоту в Тулоне — на тайной карте Европы нарождался «святотатственный альянс Лилии и Полумесяца», продержавшийся до египетского похода Наполеона.

Во время этой войны бен-Джаффар сдружился с другим капитаном, сирийским туркоманом, происходившим из обедневшей боковой ветви дома Ак-Койюнлу (сильной династии, правившей Ираном в XV столетии и на рубеже веков разгромленной жестокими кызылбашами⁵⁶ Исмаила Сефевии — ныне признанного *классика азербайджанской литературы*), и вскоре породнился с ним. От этой жены у бен-Джаффара родился сын, нареченный, по настоянию хатун⁵⁷, Рашидом.

Последней войной, в которой поневоле пришлось принять участие бен-Джаффару, была кампания картографа Пири-реиса (Пири Рейса, автора знаменитой карты, с высочайшей точностью показавшей очертания восточного берега Америки и Земли Королевы Мод в Антарктиде) по изгнанию португальцев с Бахрейна.

⁵⁴ ...Буря — какой-то рок Габсбургов — уничтожила половину флота, по сравнению с которым «Непобедимая армада»... — в Алжирскую экспедицию 1541 года отправилось 500 кораблей, в «Непобедимой армаде» было ок. 140 судов; оба флота уничтожены скорее бурями, чем действиями противников.

⁵⁵ Франциск I — король Франции в 1515—1547 годах; всю жизнь воевал за Италию; заключил стратегический союз с Турцией (1528—1798/1856); французы содействовали набегам берберских пиратов и старались совместить войны с Австрией с турецкими походами на Вену; на его правление приходится становление и расцвет французского Возрождения.

⁵⁶ Кызылбашы (тюрк. «красноглавые», по цвету тюрбана) — тюркские (туркоманские) племена, опираясь на которые Исмаил Сефевии возродил иранскую государственность, утраченную в ходе арабского нашествия за 860 лет до этого.

⁵⁷ Хатун (монг. хатан, татар. хатын) — женский аналог титулу «хан», соответствует европейскому «императрица»; в Османской империи началась постепенная профанация слова, в настоящее время означает «жена, женщина».

Он

Отец, питавший благодаря жизненному опыту отвращение к войне, прочил сыну административную карьеру, для чего, обучив на родине хадисам, пиитике и праву, отослал его учиться в Аль-Карауин в Фесе — старейший постоянно действующий университет в мире. Там юный Рашид зачитывался книгами великих путешественников — «О чудесах странствий» Ибн-Баттуты, объехавшего всю ойкумену от Танжера до Китая и от Булгара до Томбукту и Момбасы, Льва Африканского (Хасана аль-Ваззана), описавшего Борну, Нубию и берега Чада, — и познакомился с сочинениями знаменитого философа и социального мыслителя Ибн-Хальдуна.

Ибн-Хальдун за столетия до Адама Смита, Карла Маркса и Кейнса открыл огромное количество фундаментальных понятий экономики — вплоть до трудовой теории стоимости, — а идеи, изложенные в «Мукаддима», ныне воспринимаются как одна из основ нарождающейся клиодинамики. Воплощение этих теорий (таких, как снижение налогов, расходов на бюрократию и армию, материальное стимулирование экономических агентов, организация общественных служб для создания рабочих мест и многих других), считал Рашид, могло бы сделать Блистательную Порту воистину драгоценным алмазом в поучительной сокровищнице человеческой истории.

Но для административной карьеры, тем более с такими возмутительными для госаппарата идеями, нужно было быть, как минимум, питомцем Эндеруна (выпускники которого, подобно современным птенцам Оксфордов и Принстонов, поддерживали друг друга в карьере — чаще в ущерб государству). Поэтому Рашид пошел самым доступным и хвалимым бюрократической «богемой» путем — военным.

Узлы

Он участвовал в большинстве предприятий падишаха: ходил в набеги на португальский Занзибар, пережил катастрофу при Лепанто, где командовал abordажной командой на одной из галер бейлербея Алжира Улудж Аджи — спасителя чести османского флота, а в прошлом — несостоявшегося итальянского священника Джованни Галени, похищенного пиратами и принявшего ислам. Лепанто оказался воистину гордиевым узлом судеб: здесь сражались за новую Родину — француз Джаффар и венецианец Хасан, за старую — дон Хуан Австрийский, Барбариго и Джованни Андреа Дориа, мстивший за позор дяди у Превезы. В этом бою будущий Кылыч («меч») Али-паша грамотно маневрировал и даже захватил флагман Мальтийского ордена, а при отступлении к Константинополю, собирая в море разрозненные корабли, увеличил свою флотилию вдвое — до 87 судов.

Следующий год прошел в строительстве нового, вдвое большего флота. Рашид-эфенди много ездил по Болгарии и Анатолии в поисках корабельного леса. Конечно, в организации поставок приняли участие сефардская (еврейская) и греческая общины. Все стремительно богатели, что помогло Рашиду войти в круг общения кыры Эстер Хандали (уже упоминавшейся фаворитки Нурбану-султан), а затем — завязать знакомство (разумеется, эпистолярное) с Сафие-султан.

Новый флот с армией Синан-паши (урожденного генуэзского аристократа Сципиона Чикале, тоже похищенного пиратами) отправился на освобождение Туниса от испанцев и покорных им Хафсидов. В этой кампании Рашид познакомился с Абу Марваном Абд аль-Маликом (который также участвовал в битве при Лепанто, попал в плен —

его участь решал сам Филипп II⁵⁸, а после бежал из испанского Орана — города, воспетого Камю в «Чуме»). При штурме Голетты Рашид бен-Реза был ранен и некоторое время лечился в Алжире, попутно скупая имения беднеющих сипахов и обустроивая их, в частности, назначая управляющими французских гугенотов, бежавших из Европы после Варфоломеевской ночи.

Магриб аль-Акса⁵⁹

Соседом бен-Резы был грек-мусульманин, в плену у которого находился *Мигель де Сервантес*. Участие в судьбе земляка своего отца (Рашид-эфенди помогал Родриго, отцу будущего писателя, в переговорах о снижении суммы выкупа, а после неудавшегося побега Мигеля, когда его хотели казнить, ходатайствовал о милосердии как моряк за моряка — тот самый случай, когда золото спасло искусство) вызвало неудовольствие окружающих, и Рашид покинул Алжир, уехав к Абд аль-Малику, новому шерифу Марокко, вассалу Порты.

На стороне последнего он принял участие в «Битве трех королей» при Аль-Ксараль-Кабире («большой крепости»), на которой закончилась история Великой Португалии, совсем недавно воспетой Луишем де Камознсом⁶⁰ в «Лузиадах» — *самой национальной поэме планеты*. В сражении погиб не только цвет португальской аристократии, но и большая часть опытейших немецких и фламандских наемников во главе с Томасом Стакли, незаконнорожденным сыном самого Генриха VIII Английского, а также и все «три короля» — Абу Марван, его соперник Абдалла Мохаммед и король Португалии Себастьян Желанный, который вполне мог стать *прообразом Дон Кихота*: Себастьян жил в вымышленном мире, наполненном рыцарскими идеалами. Тело короля найдено не было, и еще в XIX веке в глухих лесах бразильской Байии Параны крестьяне ждали, что *Себастьян Спящий* вернется, чтобы сражаться с «атеистической республикой», — как в других краях ждали Махди⁶¹, Артура или Фридриха Барбароссу.

Так идеализм погубил жизнь, но подарил бессмертие.

Рашид-эфенди идеалистом не был — карьера в империи учит прагматизму. Оставшись на службе у брата погибшего друга, Золотого Ахмада аз-Захаби, он помог ему реформировать администрацию и гвардию по передовому для того времени османскому образцу, установить некий прообраз государственного монополистического протокапитализма, завязать союзнические отношения с Елизаветой (Англия после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии⁶² была жизненно заинтересована в коалиции против Филиппа Испанского), а для себя занялся опытами по интродукции «трех сестер», растений Нового Света: кукурузы, фасоли и тыквы, а также табака и какао (которые распространял в своих имениях в долине Бекаа, у Трабзона и в других уголках необъятной, но в целом засушливой империи⁶³). Опыты эти были не всегда

⁵⁸ Филипп II — король Испании в 1556—1598 годах; его взгляды на свою роль (ответственность за страну, династию и народ перед Богом) и итоги правления чем-то напоминают Николая II; в то же время у соотечественников не было никаких сомнений в том, что его исключительная работоспособность и требовательность направлены на благо Испании.

⁵⁹ Магриб аль-Акса — араб. «дальний запад», Марокко.

⁶⁰ ...Совсем недавно воспетой... Камознсом — относительно катастрофы 1578 года.

⁶¹ Махди — скрытый имам, своего рода масих (мессия), который явится перед Судным днем; будет соратником пророка Исы (Иисуса), когда тот вернется, чтобы восстановить на земле справедливость.

⁶² Англия после утраты союзника в лице Ависской династии в Португалии... — старейший стратегический союз в мире, существующий с 1373 года и по сей день.

⁶³ ...«Трех сестер»... засушливой империи — агрикультура, изобретенная индейцами Мезоамерики: фасоль вьется по кукурузе и обогащает почву азотом, побеги тыквы загораживают почву от солнца,

удачны, в том числе потому, что непосредственно управлять тимарами и чифтлика-ми⁶⁴ ему было затруднительно — тот самый случай, когда коррупция надзирателей губит экономику.

Однако пошатнувшееся финансовое положение удалось восстановить, приняв участие в авантюре. Он присоединился к четырехтысячному отряду Джудар-паши (мориска⁶⁵ Диего де Гевары, уроженца Альмерии в Испании, похищенного пиратами), который преодолел Сахару (!) и разгромил войско аскии (императора) Сонгаи Исхака II. Когда тот выпустил на марокканцев огромное стадо быков, Рашид-бей разогнал часть взбешенных животных сосредоточенным огнем аркебузирова и артиллерии (которая тоже была доставлена через пустыню!), а другая часть была перебита владевшими на-выками корриды андалузскими наемниками-морисками.

Марокканское войско захватило процветавшие города Дженне, Тимбукту и Гао (в современном Мали) и огромную добычу — более полутора тысяч тонн золота, с которым Рашид-бей отправился назад, в Марракеш.

Мориски нашли себе новую родину и стали народом арма (armas, «оружие»), который до сих пор помнит о своем происхождении и сохранил в языке часть испанских слов (из их среды происходит знаменитый африканский музыкант, входящий в сотню лучших гитаристов всех времен, по версии журнала «Роллинг стоун», Али Фарка Туре и его сын, «Хендрикс Сахары», Вье Фарка Туре). Немалая заслуга в этом — милосердия Джудар-паши, часто беседовавшего с Рашид-беем во время бесконечного пути через Сахару: *«о пустыне, о месте Человека в ней, о закате, о невнятном шелесте, словно от тысяч пересекающих вечность караванов, падающем с медленно опускающегося на землю неба»*.

В Марракеше Рашид-бей защищал интересы своего боевого товарища перед шерифом Ахмадом, прозванным «Золотым» именно за привезенную ему добычу. Джудар-паша не внял совету и не остался полунезависимым правителем на Нигере, где пользовался огромным авторитетом, и погиб, убитый чернью, ненадолго пережив нашего героя.

В Блистательной Порте

Поссорившись с аз-Захаби, Рашид ушел в хадж, унося с собой семена растений и спи-ски книг из библиотеки университета Аль-Карауин. Вернувшись пешком через Хид-жаз, Хайбар, Левант и охваченную джелалийской смутой Анатолию (посетив по дороге свои имения) в столицу дома Османа, Рашид-хаджи оказался втянут в омут политических интриг — прежде всего в интересах Сафие-султан, ставшей, как ни странно для этого прагматичного человека — отнюдь не Маджнуна⁶⁶, его Лейлой. Его союзником был ходжа Сад эд-Дин-эфенди, учитель Мехмеда III.

Когда султан, защитник христиан и мусульман, лично выступил в поход против вторгшихся войск Великого магистра Тевтонов и эрцгерцога Австрии Максимилиана, Рашид-хаджи получил в ходе тяжелой кампании в турецкой Венгрии (одной из многих кампаний так называемой Долгой войны) подразделение артиллерии. Под нача-

---

удерживая влагу, а ее шипики отпугивают насекомых; вместе три культуры обеспечивают человеку сбалансированное аминокислотами питание.

⁶⁴ Тимар — условное (за службу и на период службы) феодальное держание, чифтлик — наследственное.

⁶⁵ Мориски — крещеные мусульмане Испании.

⁶⁶ Маджнун (араб. «одержимый джином») — герой истории о печальной и трагической любви к Лейле («Ночь»); это случилось в сер. VII века в Аравии с поэтом Кайсом, который удалился в пустыню и стал там писать стихи (почему и был прозван «охваченным джином»); история была рассказана Низами Гянджеви в «Хамсе» («Пяти поэмах»), Джами, Навои и послужила мотивом для песни Эрика Клэптона «Layla».

лом Синан-паши, с которым он был знаком еще со времен Туниской эпопеи, Рашид принял участие в осаде и штурме Хатвана, во взятии устоявшего в прошлый раз Эгера («мадьярского Сталинграда», воспетого в самом популярном венгерском романе Гезы Гардоньи «Звезды Эгера»⁶⁷) и, наконец, в Керестецкой битве, превратившей неминуемое поражение в триумф османов и символ верности крымских татар: в решающий момент, когда австрийцы окружили шатер султана, татарские отряды под командованием калги⁶⁸ Фетих Герая ударили в тыл имперцам и спасли турок от полного разгрома. Габсбурги понесли такие потери, что эта местность до сих пор носит имя Мезекерестеш — «Поле крестоносцев».

Правда, Фетих Гераю эта победа вышла боком. Юсуф Синан-паша, враждовавший с ханом Газы Гераем, убедил своего повелителя передать крымский Юрт герою битвы. Фетих после некоторых уговоров согласился, но его младший брат Газы в *судебном порядке* вернул «престол Крыма и Великой Страны», вынудив старшего бежать к черкесам и в итоге поплатиться своей головой и головами своей семьи.

Юсуф-паша, получив благодаря своей хитроумной комбинации пост «носильщика тяжести» (великого визиря), пробыл в должности всего сорок дней и был отправлен в почетную ссылку на должность бейлербея Дамаска, где натравил на Рашидов чифтлик в долине Бекаа ливанских друзей⁶⁹ — в отместку за участие Рашида-хаджи в его, Юсуфа, смещении.

Так или иначе, великим визирем стал Дамат («зять») Ибрагим-паша, упоминавшийся выше муж Айше-султан, дочери Сафие и тети Мехмеда III.

В Эгере под покровительство Рашида-хаджи перешла бывшая фаворитка польского короля (умершего к тому времени), пытавшаяся бороться с кланом Батори за лен в Карпатах. Она стала его второй наложницей (первая была захвачена в набеге на Коста-дель-Соль). Когда известия об этом дошли до ушей Садеддина-эфенди, правительство Газанфер-капы-аги решило использовать Рашида, получившего ранг паши, в «*Больших шахматах*» на северной границе.

Сархад⁷⁰

Так наш герой сравнялся почетом со многими конкурентами. Почетом, но не реальной властью.

Власть ему предстояло устанавливать самостоятельно, опираясь на небольшой янычарский корпус, татарскую и ногайскую конницу и тех, кого бы он смог завлечь на границы Дикого поля. Благо Османская империя того времени не только была экономически привлекательна для австрийских и польских крестьян, тиранизируемых своими возрождавшими барщину господами, но и часть горожан, храня верность покойному королю, стремилась за «нашей доброй пани», пившей кровь из одного с ними кубка войны.

⁶⁷ «Звезды Эгера» — под звездами в романе Гардоньи подразумеваются женщины крепости.

⁶⁸ Калга — второе после хана лицо в Крыму.

⁶⁹ Друзы — замкнутая, не допускающая принятия своей религии этноконфессиональная община в Леванте, отколовшаяся от ультрашиитской на тот момент секты исмаилитов в период радикальных антисуннитских реформ фатимидского халифа Аль-Хакима (XI век); особенности религии, принадлежность исламу достоверно не известны; верят в реинкарнацию душ, что определило высочайшие боевые качества друзов (их кавалерия активно вербовалась даже англичанами в период Второй мировой); сейчас вовлечены в арабо-израильский и сирийский конфликты на всех сторонах.

⁷⁰ Сархад (سرخاد, фарси «граница») — как правило, под ним подразумевается обширная полоса с неясным, условным суверенитетом, как полоса пуштунских племен в Пакистане или другие территории на границах стран, расположенных в пустынях и степях; ближайший аналог — Дикое поле.

Традиционно проблема набегов казаков с севера решалась силой: рейд по степям, разорение разбойничьих гнезд, захват ясырей⁷¹, обращение желающих в ислам и рекрутирование их в войско, а упорствующих — в рабство. Но все это были временные меры: новые бедагаи, бегущие от своих сатанеющих дворян, пополняли Сечь и Дон и шли «за зипунами» в цивилизованные страны. *Османская империя унаследовала от Византии перманентную борьбу с натиском варваров.*

Ибо география определяет Историю.

Рашид-паша, соединив под своей властью силы эялетов⁷² Силистра (от Болгарии до Днепра) и Кефе (Крым и Азак), выдвинул проект того, что мы сейчас назвали бы «программой реконструкции для *failed state*». Первым шагом к этому должна была стать «эффективная оккупация». Если ни Москва, ни Краков (а позднее — Варшава) не способны навести порядок на своих окраинах, то это следует сделать империи: косвенно либо прямо. Второй вариант Турция попыталась осуществить в 1670-х, когда захватила Правобережную Украину, вмешавшись в *Руину* — борьбу пропольских, проросийских и прокрымских «полевых командиров» между собой. Но Рашид-паша не был бы учеником ал-Карауина, если бы не попытался минимизировать человеческие потери в населении и без того пустого Дикого поля.

Он предложил создать полосу государств-лимитрофов (подобных Трансильвании, Молдове и Валахии), помочь элитам — казачьим старшинам и гетманам — построить нормальный феодализм и тем самым (золотом!) привязать их к Блистательной Порте. Благо вопросы вероисповедания мало волновали и наследника халифа владыки Вселенной⁷³, и верхушку казаков: так, в 1565 году запорожцы помогали туркам в L-Assedju l-Kbir — *Великой осаде Мальты*.

Проект «Вольный Дон»

Как поклонник Ибн-Хальдуна, Рашид-паша понимал необходимость создания экономического базиса для гетманской надстройки. В первую очередь следовало закрепить казаков и новых переселенцев (осуществлено царским правительством в XVIII веке). Следующим пунктом шло создание товарного хозяйства: любой аристократ, даже низкого происхождения, предпочтет получать деньги от стабильной торговли, а не от рискованной перманентной войны в его землях. Для этого планировалось давать убежище рабочей силе из Европы, бегущей от религиозных преследований (частично воплощено российским правительством в конце XVIII века).

Не исключался вариант с налаживанием торговли рабами (с последующим посажением их на землю и переводом на барщину либо оброк) и одновременным развитием плантационного хозяйства американского образца (тут бы и пригодились плоды селективной работы Рашида) — польская шляхта, глаза которой слепили отблески вестиндского золота, была готова избавиться от части «быдла» в обмен на совместный грабеж владений московского царя и помощь в борьбе за власть внутри самой Речи Посполитой. Тайные переговоры об этом успешно шли с Радзивиллами и Сапегами при посредничестве вышеназванной фаворитки (которая, однако, планировала рекрутировать войско и совместно с татарами начать мстить за своего короля).

В случае осложнений на более освоенном Западном Кавказе племена, его населяющие, были бы выселены в Сирию (осуществлено в 1860-х годах).

⁷¹ Ясырь — человеческий полон в период степных набегов и войн (от распада Золотой Орды до завоевания европейских степей Россией).

⁷² Эялет (вилайет, вилайят и т. д.) — провинция в мусульманском мире.

⁷³ «Наследник халифа владыки Вселенной» — султан.

Для контроля над новыми вассалами затевались реконструкция старых городов (Хаджибея (Одессы), Бендера, Кэшэнэу, половецкой Шарукани (Харькова), Аккермана и др.) и строительство новых — примерно там, где при Екатерине II были основаны Николаев, Екатеринослав, Александровск и пр., заселить которые предполагалось самым ценным ресурсом — ремесленниками (будь то бежавшие добровольно или захваченные в набегах на Запад).

Московский царь Борис Годунов почувствовал угрожающую активность на Малой Руси, получив обрывочные донесения Василия Щелкалова, главы Посольского приказа (*именно он ведал сношениями с казаками*), и сделал встречный ход: отправил Богдана Бельского основать один из первых городов на Слободской Украине — Цареборисов. Историки до сих пор спорят о причинах, побудивших Годунова заложить острог так глубоко в Диком поле, в отрыве от Белгорода и Курска. Ведущей является версия, изложенная в «Новом летописце» (главной хронике времен Русской Смуты), что мотивом царя было отослать подальше воеводу Бельского.

Но стал бы такой прагматик, как Борис Федорович, рисковать? Что мешало ему избавиться от воеводы, сослав его, как Филарета Романова, на Урал? Тем более Богдан Яковлевич сразу начал проявлять «сепаратистские тенденции» («Борис в Москве царь, а я в Цареве-Борисове!»), за что и был всего через два года выслан в Сибирь с позором (телохранитель царя Габриэль выщипал Бельскому бороду по волоску, тем самым обесчестив бывшего опричника).

Так пошел бы самодержец на риск мятежа на юге (который, кстати, и стал главным катализатором Смуты в самом скором времени)? Нет.

Какова же была цель Годунова?

Прозрачный, недвусмысленный намек: «Я знаю, что ты что-то затеваешь. Если бы я хотел войны, моя рать уже осаждала бы Перекоп. Но я предлагаю мир».

С этого момента акценты имперской политики на севере сместились. Начались активные переговоры между Рашид-пашой с одной стороны и Щелкаловым с другой (а после опалы последнего — со сменившим его на посту дьяка Посольского приказа Афанасием Власьевым, видным дипломатом, пользовавшимся доверием и Бориса, и Лжедмитрия). При этом обе стороны сумели учесть не только интересы своих светских владык, но и духовную сторону вопроса.

Рашид-паша в переписке с Сафие-султан говорил о возможности внедрения в пограничье и на Балканах опыта Абуль-Фатха («отца Победы») Джалалуддина Акбара, величайшего падишаха в истории Индии, а конкретно — его эксперимента по созданию *Дин-и илахи, синкретической философско-этической доктрины* с Единым Богом разных религий. На практике это вылилось в секретные «меморандумы о взаимопонимании», выражаясь современным языком, между патриархиями Московской, Константинопольской в лице Рафаила II, а через него — с Римской курией, возглавляемой в тот период генеральным викарием Камилло Боргезе (будущим папой Павлом V).

Поддержку султана как халифа⁷⁴ обещала обеспечить Сафие.

Таким образом возник амбициозный план раздела Европы, который мы с полным правом можем назвать

«Крест Европы в тени Полумесяца»

По образцу Тордесильяского договора 1494 года между Португалией и католическими королями Испании, проведеншей «демаркационную линию» по «папскому меридиану» (49°32'56" з. д., 370 лиг западнее Азорских островов), разделившую дикие

⁷⁴ Султан осуществляет светскую власть, халиф — религиозную.

земли и неоткрытые моря между этими монархиями, полным ходом шла подготовка к разграничению мелких европейских государств на сферы влияния.

«Высокие Договаривающиеся Стороны», а именно — «властитель Дома Османа, султан султанов, хан ханов, предводитель правоверных и наследник пророка Владыки Вселенной, защитник святых городов Мекки, Медины и Иерусалима, император Константинополя, Адрианополя и Бурсы и прочая, и прочая» с одной стороны

и «Божиею милостию, Государь Царь и Великий Князь всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский и прочая» с другой, — приходили к соглашению о совместном разделе Европы по 50-й параллели, а кафолические церкви — Римская и православные церкви пентархии — по меридиану Сирта (16°36' в. д.).

Таким образом, силой оружия двух великих держав планировалось вернуть мир в Европу, а Германию, Нидерланды и Англию (с мобилизацией для ее покорения всего берберского и турецкого флота и союзной французской армии) — в лоно католичества, но под светское управление Севера. При этом мещане, как главные носители протестантской ереси, переселялись на восток, во вновь отстроенные города Степи. Россия в результате не только получала выход к морю (что было главным направлением ее экспансии со времен Ивана III в конце XV века — а отнюдь не южное, на котором она предпочитала обороняться), но и превращала Балтику в свое «внутреннее озеро».

Забавное обстоятельство: обе демаркационные линии пересекались в районе Тренчинского княжества, на которое претендовала польская наложница паши. Там планировалось проводить собрания дипломатов для мирного решения спорных вопросов — эдакие прообразы *Священного союза* Александра I или *Лиги Наций*. Это был своеобразный подарок Рашид-паши.

Нетрудно представить, что реализация этих планов изменила бы все. Колонизация Нового Света проводилась бы в русско-османском стиле, с *сохранением культурной самобытности индейских народов*; простые немцы, голландцы и англичане, а следом — французы, русские, турки, балканцы не познали бы самых диких проявлений раннего и зрелого капитализма; на 350 лет раньше сформулировались бы идеи *мирного сосуществования* сверхдержав; может быть, индустриальное развитие происходило бы и не с такой скоростью, но с куда меньшими страданиями простых людей; а о таких мелочах, как «Нью-Йорк мог бы быть Новой Рязанью», и задумываться не стоит.

Все могло сложиться иначе.

Были сделаны первые практические шаги: Годунов наводнил Европу шпионами под видом посланных на обучение «детей боярских»; лидер джелалийской смуты Дели Хасан, воодушевленный перспективой после личной встречи с Рашид-пашой, прекратил восстание и с десятью тысячами воинов принял под свое начало Боснию, где начал организацию тыловой базы для вторжения в Венецию и Австрию; в преддверии увеличения потока дел была проведена реформа *инквизиции* в сторону большей *гуманизации* процесса (отдаленным ее последствием стал снисходительный приговор Галилео Галилею — в отличие от недавнего аутодафе Джордано Бруно); Орден Иисуса (иезуиты) активизировал работу по устранению самых влиятельных европейских монархов — Якова I Английского (см. «Пороховой заговор») и Генриха Бурбона (ликвидированного в 1610 году).

Однако все эти мероприятия, связанные единым замыслом, потеряли смысл, когда был утрачен координирующий их узел.

Красное знамя османов так и не взвилось над львами Святого Марка...

Как раньше бури спасали Северную Африку от испанского завоевания, так и в этот раз в дело вмешалась Природа. На краю света, в далеком Перу, взорвался вулкан Уайнапутина, выбросив в атмосферу мегатонны пепла и изменив климат. Это было силь-

нейшее извержение за всю историю заселения Америки человеком, по силе подобное катастрофе на Кракатау в 1883 году. В России с десятью неделями проливных дождей наступил «год без лета», повторившийся в следующем.

Затем пришел Великий Голод. Рашид-паша предпринял доставку зерна, скупленного в Анатолии и Египте. Караваны каракк⁷⁵ стекались в Азов и под охраной казаков отправились на Москву. Но было поздно: русские увидели в голоде истинного царя, восстания совсем недавно «безмолвствовавшего народа» слились в бескрайнее море бунта, плескавшееся у башен переполненных умирающими городов, и страна на годы погрузилась в *войну всех против всех* — такую, что полубезумный Грозный превратился в сознании населения в «доброто царя-батюшку».

Русская Смута началась.

Вся семья Годунова, кроме дочери Ксении, была не только вырезана, но и похоронена без отпевания как «самоубийцы».

Казаки, увидев крах государственности, устремились за легкой добычей в Россию по тому пути, которым когда-то ходили татары. Ибо, повторим, география определяет бытие. Их дикий свист слышали даже стены Каргополя на *Русском Севере* и Костромы в 1614-м, а последний набег случился в самом конце, в 1618 году, через шесть лет после Минина и Пожарского.

Еще можно было спасти если не династию, то царство, но к тому времени изменились и обстоятельства в своей столице. Новый султан, тринадцатилетний Ахмед I, начинает правление с нарушения этикета (что показывает его воспитание), а затем ссылает бабушку Сафие в Старый дворец в Эдирне. Рашид-паша лишается самой весомой поддержки в Топкапы. Пытаясь предотвратить возобновление джелалийской войны, он принимает сторону шейх-уль-ислама Сунуллага-эфенди в конфликте с лалбй (воспитателем) владыки Дервиш Мехмед-пашой, боснийцем — фигурой, вызывавшей ненависть и новой валиде-султан, и простых горожан, чьи балконы Дервиш-паша обложил налогами, а в конце концов — и самого повелителя. В итоге лала был убит на заседании Дивана. *Но до того ангел смерти взял за руку душу Рашид-паши.*

Он был приглашен главою дома Османа на весеннюю охоту. Чувствуя усталость и *предчувствуя отдых*, он уладил дела: первой наложнице и ее детям выделил солидное содержание и дом в Бахчисарае, для второй нанял отряд секейских ландскнехтов (составленных из немцев Трансильвании, где как раз венгерский дворянин Иштван Бочкай поднял восстание, *предпочтя покровительство мусульман-турок власти христиан-Габсбургов*) и отпустил с татарами пытаться удачи в польских Карпатах, «гатить болота телами врагов», а сам явился на казнь.

По приказу падишаха он выпил кофе с толченым изумрудом и опиумом. Самоцвет, дающий, по поверьям, дар прорицания, символизировал насмешку над его видением будущего империи; опиум же был актом милосердия за заслуги перед отечеством. Ходили слухи, что последнюю чашку он получил из рук Сафие-султан, но у нас нет оснований с доверием относиться к этой легенде: без сомнения, они не встречались в этой жизни. Другая же легенда гласит о том, что вишневое вино с ныне утраченного мазара хаджи Рашида еще долгие годы веселило сердце его возлюбленной.

Да, это была любовь — но та, которую не воспели европейцы. Любовь-сторге, любовь-покровительство, без лихорадки и мании, не удар выпущенной стрелы, но медленное прорастание корней души к сокам земли. И эта любовь пережила все тирании и вольности, сбереженная временем в письмах Сафие-султан и маулан⁷⁶ Рашида-хаджи.

⁷⁵ Каракка — большое (водоизмещение 500–2000 т) парусное судно эпохи Великих географических открытий; вытеснено галеоном.

⁷⁶ Маулана (мавлани, мавлийя и т. д.) (араб. «защитник») — слово со множеством значений, среди которых «друг», «господин», «хозяин», «благодетель», «путник» и др.

Поделится малой их частью с нашими читателями.

Письма

«Свет разума моего, родник моего познания! Вестей от Вас нет дольше, чем дождя в *Тихаме*⁷⁷. Каждый день, когда с моря дует ветер, жду, что его крылья письмо от Вас принесут.

Расскажите о *поясах земных*⁷⁸, в кои Господь путников стопы Ваши направил. Благополучен ли путь?

С., третий день джумады аль-уля 986 года⁷⁹».

«О, колыбель великого султана! Как коловращение времени и неподвижность полюса произошли от Господа, так сад бытия взращен для Вас и водою жизни напоен ради Вас, моя владычица.

Аллахумма, каким языком мне воздать Вам благодарность за сии великие благодеяния, осязаемые результаты которых подобны свету блистающего солнца? Какими словами воспеть Вас за великие дары и бесконечные милости, сверкающие подобно сиянию звезд?

Если даже каждый мой волос станет языком и каждый станет восхвалять Вас, то и тогда я останусь в своем косноязычии, как упорствующий — в заблуждении.

Волею Господа людей, который сотворил поверхность земли для прогулок чистокровного коня человеческого бытия, той волею, что вложила в руки Ахмада Абу-ль-Аббаса аль-Мансура меч победы, сокрушающий удар которого поражает грудь ночи и заставляет разящий кинжал солнца прятаться в ножны мрака, вернулся я с дальнего *Берега*⁸⁰ Пустыни пустынь, где эмир Крайнего Запада на ристалище насаждения правосудия и распространения справедливости кафиров⁸¹ *Билад ас-Судана*⁸² рассеял и к покорности привел.

Ибо лишь тот крепко сжимает в своих объятиях невесту-власть, кто целует в губы булатный меч.

[...]

Посреди Моря пустынь есть Тагазза⁸³, деревня, в которой нет ничего хорошего. К числу ее удивительных вещей относится то, что ее дома и мечеть построены из глыб каменной соли. В ней нет ни одного дерева, и земля ее — лишь песок, и в нем находят огромные плиты соли, нагроможденные одна на другую так, как будто они были вытесаны высокомерным племенем *ад*⁸⁴ и сложены под землей.

Мы провели в Тагаззе десять дней — в ней запасают воду, чтобы войти в пустыню, и мы вошли, и встретили на нашем пути караван, и нам сообщили, что несколько человек из каравана отделились от них. Одного из них мы нашли мертвым под небольшим

⁷⁷ Тихама — пустыня в Аравии на берегу Красного моря; здесь: прямой намек, что ожидание известия затянулось.

⁷⁸ Пояса земные — географическая районизация, предпринятая учениками Идриси.

⁷⁹ Даты — по календарю Хиджры. Заметно, что С. писала письма около новолуния, а Р. — ближе к полнолунию.

⁸⁰ Берег — Сахель; сахара — мн. ч. от «сахра, пустыня».

⁸¹ Кафир — араб. «иноверец»; в османский период произошло отделение от этого термина слова «гяур», имевшего оттенок презрительности (аналогично возникшему в тот же период в Русском государстве слову «басурманин» — даже в словарной части обе империи стали друг другу зеркалами).

⁸² Билад ас-Судан — «Страна черных», примерно то же, что Сахель.

⁸³ Тагазза — Тауденни в Северном Мали.

⁸⁴ Ад — племя великанов, упоминаемое в Коране.

деревцем из тех деревьев, что растут в песках. На нем была одежда, а в руке — кнут. Вода же была всего в одной миле от него.

Так и у нас потерялся человек именем Ибн Мактуби из *бануимраген*⁸⁵. Выйдя на поиски, проводник наш из *кельадрап*⁸⁶ нашел его следы. Они шли то по главной дороге, то отклонялись от нее, но ни Ибн Мактуби, ни каких-либо сведений о нем найти не удалось.

Воистину, судьба Ибн Мактуби, „сына написанного“, вписана в Книгу Бытия теми же вечными чернилами, что наши судьбы. *И в Пустыне судьба моя стóбит того, чего стóбит моя вера.*

Но Аллах Велик. Так пусть Он будет Милосерден.

А того человека мы погребли без имени его и могилу его отметили палкой, укрепив ее камнями. Великая честь — служить другим караванам вехою на пути, подобно фонарю маяка, пока ветер и песок не сточат твой минарет.

Р., *полнолуние* рабиу-ль-авваля 986 года, из Марракеша».

Тринадцать лет спустя

«Ноги воображения моего и руки мысленного представления далеки от испытываемого Вашими руками и ногами, эфенди. В темную ночь, когда луна показывает свое лицо, мир становится освещенным, а небо озаренным. Во мраке судного дня, когда печать молчания будет на языках и люди падут от ужаса и страха пред днем всеобщего восстания мертвых и великим отчетом, их *печени* мучительно сожмутся, а глаза наполнятся слезами, — тогда внезапно появится на горизонте украшающей сердце красоты луна божественной мудрости, жемчужина избранного моря, и у людей истинной веры возникнет свет очей надежды на спасение и блеск предвидения вечного блаженства.

Так и сердце мое наполняется слезами надежды, когда очи мои читают Ваши написанные легким *насхом* строки, в которых Вы передаете сделанные Вам ангелами откровения — тяжелые, словно написаны они *сульсом*⁸⁷. Но в пучинах глубоких, вдохновенных Книгой книг истин, все естество Ваше благоухает, как амбра, будучи пропитана неизреченными указаниями Неба.

Истинно говорят, что Аллах хранит путников, чей дух продолжает странствие и будучи разлучен с телом, как соловей — с розой.

С.»

«Капли, просачивающиеся из моря Вашего внимания и милости, повелительница, подобны воде райского источника Каусар. Солнце, при всем своем блеске и свете, повергает корону к праху Ваших ног.

Да не удалится счастье от изголовья Вашей постели, *гюльбахрем*⁸⁸!

Где бы ни пролегли следы моих ног, всюду я вопрошаю: где же *Кааба*, *Медина* и *Мекка моя*?⁸⁹ Каждым своим шагом я произношу: *ляббейка*⁹⁰, Аллахумма, ляббейка! Тысячи путников шли этими путями до меня — от зенита Сатурна до чрева Земли, — но все вехи, что они смогли оставить, — лишь написанные чернилами строки:

Я распутал все петли вблизи и вдали,
Кроме самой последней — смертной петли.

⁸⁵ Бануимраген — арабское племя Сахары.

⁸⁶ Кельадрап — туарегское племя.

⁸⁷ Насх, сулюс (сульс) — традиционные арабские почерки.

⁸⁸ Гюльбахрем — «(мой) цветок весны».

⁸⁹ ...Где же Кааба, Медина и Мекка моя? — строка из Вагифа.

⁹⁰ Ляббейка — араб. «Вот я пред Тобой [Господи]».

Да смилуется над нами Всемиловитый!

Сомнение разъедающей металл кислотой поселилось в сердце моем: шепчет оно, что в гордыне своей не уступил я дороги на мосту Хызыр Ильясу, и род мой будет принужден дорогу уступать всякому. Но пусть лампа моей души перевернется, *пусть сердце станет в голове и голова в сердце*⁹¹ — о Милосердии молю: „да будет вычеркнуто вписанное из Книги Предопределения, да опадут грехи мои, как листья с деревьев в разгар лета!“⁹²

Но я познание сделал своим ремеслом, и мой калам пьет чернила крови и пишет по бумаге забвения думы, что и не снились фальсафа⁹³ аш-Шама — о том, что обвинять нас в День Суда будут сами наши сердца, потому что каждый человек суть шахид, „свидетель“ против себя самого и ближнего своего, испивающий чашу шахадата⁹⁴ собственной жизни и своего отчаяния, подобного отчаянью заблудившегося в самуме каравана. И се, он бредет по степи жизни, оставляя за собою пустыню воспоминаний, и взывает к Творцу, оглашая бездну своей души воплем ужаса погибающей верблюдицы.

Я — запятая в Книге Бытия.
 Меж звездных строк я хвост коня, что блед.
 Мне Солнцем предназначено сиять
 Как тишине над пустотой бесед.
 Мой всадник — Смерть, но не окончен текст,
 Где дрожь земли, людей и знак чумы.
 Мы формой полумесяц, духом — крест.
 И в перстне вправленный алмаз — то мы⁹⁵.

Но пусть пустыня иссушает дух и воспламеняет разум как пропитанное смолою ладана дерево, однако под покрывалом ночи, усеянным колючей шерстью светил, осознающий свою ничтожность пред небесами раб Всевышнего воспаряет фениксом, и тогда на сына Адама ложится — словно от фонарей, поднятых с порогов домов обитателей Рая, которым, если на то воля Аллаха, мы тоже служим звездами, — невыразимый отсвет всеединства.

Р., 14 шаабана 999 года».

«На исходе Ночи Могущества⁹⁶ бродила я аллеями парка Гюльхане⁹⁷ в ожидании предрассветного коралла вод Босфора, за которыми, где-то далеко, Вы, светоч разума моего. В сердце еще звучали слова молитвы *времени отдыха*⁹⁸: „Свят и Идеален Тот, Кто обладает земным и небесным владычеством“⁹⁹. Свят Тот, Кому присуще могущество

⁹¹ ...Пусть сердце станет в голове и голова в сердце... — ср. с «переставить свечи» в легендах о Хадир Грюне, иудейском Хызыр Ильясе.

⁹² ...Да опадут грехи мои, как листья с деревьев... — цитата из Абу-ль-Касимаат-Табарани, известного мухаддиса (толкователя предания) X века.

⁹³ Фальсафа — философы вообще и неоплатонистическая философия в исламе (Аль-Фараби, Ибн-Сина, Ибн-Рушд).

⁹⁴ Шахадат — букв.: свидетельство.

⁹⁵ ...И в перстне вправленный алмаз — то мы. — Автор письма отсылает к рубаи Омара Хайяма (см. ниже).

⁹⁶ Ночь Могущества — Лейлат аль-Кадр, почитаемая ночь, случающаяся в конце Рамадана (в неопределенный день), которую принято проводить в молитве; ее признаком является необычайная тишина в природе.

⁹⁷ Гюльхане («дом цветов») — парк у Топкапы.

⁹⁸ Время отдыха — таравих (араб. تحيوات — «отдых, передышка»), желательный ночной намаз в месяц Рамадан.

⁹⁹ Свят и Идеален Тот, Кто обладает... — молитва ханафитского мазхаба, одной из четырех правовых школ в суннизме; этот мазхаб господствует за пределами арабского мира.

и бесконечная мощь“, — как вдруг в турангах¹⁰⁰, словно отвечая чаяниям моим, пропела горихвостка. Песнь ее подхватила другая, за нею — третья, и голоса их слились в возносящий хвалу Господу Миром хор:

- Видите ль звезды, что гаснут на небе?
- Видим мы звезды, они в небе тлеют.
- Видите ль край желтого солнца?
- Видеть не можем мы края солнца.
- Ночь ли в разгаре, близок ли день?
- Ночь полна влаги, день будет жарким.
- Кто там идет, Хызыр ли Ильяс?
- Лик нам Зеленый жизнь несет.
- Завтра посмотрим, сестры, на небо?
- Ночь дня мудрее, завтра посмотрим!

И в их словах слышала я весть о Вас, излившуюся в эти строки из скромного источника моего вдохновения:

Собранье птиц, едины что в Симурге,
Поет всю ночь, не ведая венца,
Чтоб возродить, став ртутью¹⁰¹ из свинца¹⁰²,
Из непла — первородного птенца¹⁰³.

Я приказала рабыне, подаренной Вами, зажечь зеленый фонарь. Увидьте его путеводный свет и придите, о, день, не нуждающийся в солнце, ночь, не нуждающаяся в луне!

С., 27 рамадана 1012 года».

«Мне снился сон. В нем я впервые увидел Вас, так ясно, словно завеса тумана развеялась над фисташковой рощей, словно жемчуг вуали ночи заблестал, озарен светом луны. Когда потянулся я к тени Вашей, ладони мои коснулись коры кипариса, и тогда я увидел моего Создателя. Я спросил его: „Как мне найти Тебя?“ Он ответил: „Покинь себя и приходи!“

Се, гряди¹⁰⁴, прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей¹⁰⁵.

Мы цель создания, смысл его отменный,¹⁰⁶
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира — перстень драгоценный,
А мы в том перстне — вправленный алмаз.

Р., 20 шавваля 1012 года. Науруз¹⁰⁷».

¹⁰⁰ Туранг — евфратский тополь.

¹⁰¹ Ртуть — чрево всех металлов, растворяющая и возрождающая сила.

¹⁰² Свинец — символ «нездорового» состояния металла или души.

¹⁰³ Первородный птенец — феникс.

¹⁰⁴ Се, гряди... — автор письма цитирует «Свидетельствующий это говорит: да, гряди скоро» из заключительной главы Библии.

¹⁰⁵ ...Прибегая к Господу людей, Царю людей, Богу людей — стихи из последней суры Корана.

¹⁰⁶ Из приведенных стихотворений, «Мы цель создания, смысл его отменный» принадлежит каламу Омара Хайяма.

¹⁰⁷ Науруз — здесь: игра слов: руд — фарси «река, путь»; «новый путь».

Использованы мотивы из Гийас ад-Дина Али, Ибн-Баттуты, Райнера Марии Рильке, Сент-Экзюпери, Абу Язида (Баязида) Бастами и др.

Хронология

- Кырджалийская смута — 1789—1813 гг.
- Восстание в горах Эспадан — 1526 г.
- Битва у Превезы — 28 сентября 1538 г.
- Оборона аль-Джазаира — Алжирская экспедиция 1541 г.
- Осада Ниццы — август 1543 г.
- Зимовка турецкого флота в Тулоне — 1543—1544 гг.
- Кампания Пири-реиса по изгнанию португальцев из Персидского залива — 1552 г.
- Третья битва при Лепанто — 7 октября 1571 г.
- Тунисская экспедиция — 1574 г.
- «Битва трех королей» — 8 августа 1578 г.
- Разгром империи Сонгаи — 1591 г.
- Джелалийская смута Дели Хасана — 1595—1603 гг.
- Долгая война — 1593—1603 гг.
- Керестецкая битва — 25 октября 1596 г.
- Цареборисов (Царев-Борисов) — город основан в 1599 г.
- А. И. Власьев возглавил Посольский приказ в мае 1601 г.